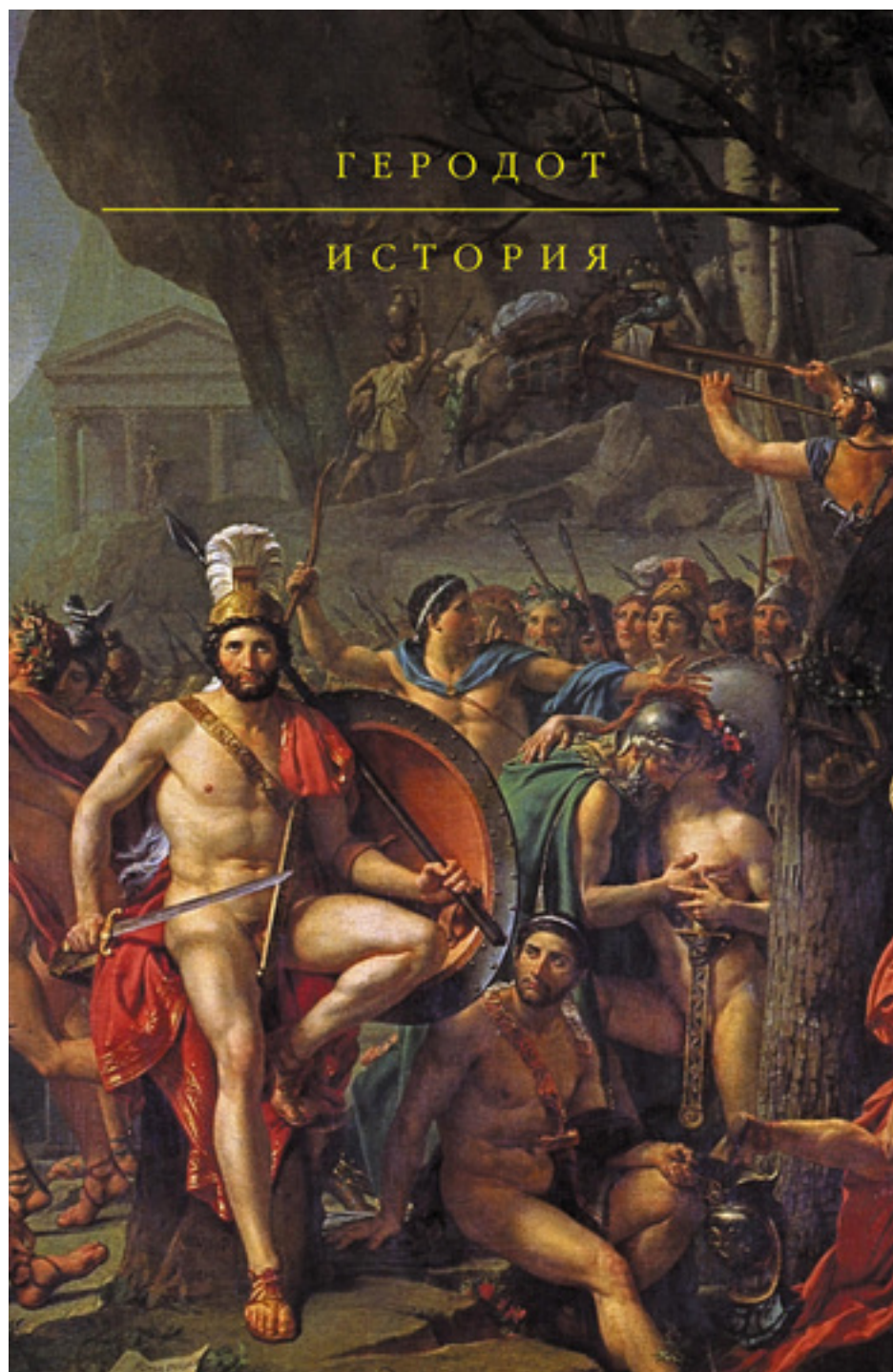

ГЕРОДОТ

ИСТОРИЯ

Геродот
История

«ЭКСМО»

Геродот

История / Геродот — «Эксмо»,

Геродота с легкой руки Цицерона принято называть «отцом истории», и этот титул он носит вполне заслуженно, поскольку именно его сочинение заложило основы традиций исторического описания и исторического романа. Его «История» – одновременно первый памятник европейской исторической мысли и великолепный образец художественной прозы. На ее страницах оживают события той эпохи, когда случилось первое «столкновение цивилизаций» и когда греки в кровопролитных сражениях сумели отстоять от натиска персов колыбель европейской культуры и европейского мировоззрения. И книга Геродота, несмотря на свой почтенный возраст (более двух тысячелетий), по-прежнему читается на одном дыхании. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Геродот и место его в древнеэллинской образованности	5
I	5
II	11
III	18
IV	38
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Геродот История

*Наставнику своему, Андрею Даниловичу Юркевичу,
учителю гимназии, с признательностью посвящает
автор и переводчик*

Геродот и место его в древнеэллинской образованности

Современная наука может смело гордиться тем, между прочим, что ей удалось открыть истину там, где почтенный эллинский исследователь вынужден был довольствоваться лишь ловким опросом сомнительных свидетелей и сличением их небрежных и невежественных показаний.

Дж. Магаффи. История классического периода греческой литературы

I

В истории не одной только эллинской, но вообще европейской образованности Геродот занимает выдающееся место. Он стоит на перепутье двух настроений общественной мысли: скептицизма, свободной критики, деятельной любознательности, с одной стороны, легковерия и благоговейного отношения к унаследованному от предков достоянию – с другой. Кроме того, в труде Геродота отразились ярко и в изобилии те свойства эллинского ума и характера, благодаря которым древняя Эллада сделалась на многие века наставницей человечества как в области искусства и науки, так и в сфере общественных и политических отношений. По всей справедливости Геродота можно считать одним из наиболее типичных представителей не только историографии, но известного периода умственного развития вообще. В настоящем предисловии мы желали бы выяснить для читателя положение Геродота в истории древнеэллинской литературы в связи с другими сторонами жизни его современников.

Прежде всего заметим, что почетное звание «отца истории», присвоенное Геродоту Цицероном и сохраняемое за ним до наших дней, может быть удерживаемо лишь с значительными оговорками. Во – первых, в последовательном развитии эллинской историографии ему принадлежит скорее срединное, центральное, а ни в каком случае не передовое положение. Действительно, историки, по времени следовавшие за ним в различных направлениях, могли находить у него и исходные пункты, и отчасти руководящие приемы для собственной литературной деятельности, но вместе с тем труд его представлял собою лишь наиболее выдающееся, почти единовременное явление в целом ряде более или менее удачных и талантливых опытов истории. В числе этих последних были и географико – этнографические, и исторические сочинения милетянина Гекатея*, человека обширной учености и с несомненной склонностью к критике народных преданий и действительных житейских отношений. Вот почему известный дублинский профессор Магаффи* полагает, что Гекатей Милетский имеет гораздо больше права, нежели кто-нибудь, называться отцом эллинской истории. Другой английский ученый Мьюр* замечает, что с Геродотом из-за титула «отец истории» мог бы с успехом поспорить более ранний историк Харон из Лампсака*. Во всяком случае, без риска ошибиться можно

сказать, что появлению Геродота на литературном поприще не только предшествовала, но и содействовала целая школа историков, главным местом действия которых был Милет, первенствовавший в эллинском мире во всех отношениях до начала V века до Р. Х.

Во – вторых, наименование «отцом истории» эллинского писателя второй половины V века до Р. Х., если принимать наименование это безусловно, как бы закрепляет и освящает не совсем точное представление об эллинской историографии, то представление, согласно которому исторический вид литературы начался для эллинов лишь в весьма позднее время, примерно не раньше половины VI века до Р. Х. Подобное представление резко противоречит всем нашим сведениям о патриотизме древнего эллина, о той ревности, какую он всегда обнаруживал к прославлению родины и к достойному чествованию выдающихся услугами личностей с одной стороны, к примерам предков и к предстоящему отношению потомков – с другой. Достаточно напомнить, как нередко уже Гомер внушал своим героям заботливость о доброй славе или страх позора у потомков¹ и как часто в позднейшее время внимание к оценке будущих поколений служило для эллина одним из сильнейших стимулов деятельности на пользу и во славу родины. При наличии подобного настроения древний эллин должен был живо интересоваться и прошлыми судьбами своего маленького отечества, и сохранением важнейших событий в памяти современников и потомства.

Действительно, у эллина и для эллина история существовала искони; только в разные периоды его развития она облекалась в различные формы, в каждом из таких периодов отличалась особыми характеристическими чертами, верно отражая на себе современное состояние общества, данный в нем уровень понимания окружающего.

Не следует при этом упускать из виду, что именно те части эллинского племени, которые оказались для культуры наиболее производительными, каковы ионийские общины и более всех афинская, отличались обыкновенно широкими демократическими стремлениями и обладали соответствующим общественным устройством. Успехи литературы и смена литературных направлений определялись поэтому, по крайней мере весьма долгое время, поступательным движением огромного большинства свободного населения, а не вкусами и потребностями отдельных личностей, кружков или классов. По тому же самому простота, общедоступность и драматизм изложения составляли неотъемлемые свойства древнеэллинской литературной речи. Эта исконная особенность литературного творчества выгодно отразилась и на произведениях позднейшего времени, когда имелось уже налицо раздробление общества на группы по степени понимания задач и явлений художественных, научных и общественных. Диалогическая форма Платоновых сочинений, частые диалоги и речи от первого лица в сочинениях Геродота и Фукидида*, ясность построения речи у Исократ, Исея, Демосфена*, не говоря уже о более ранних ораторах, были последствием демократизма или общенародности древнеэллинской и прежде всего афинской образованности. Отсюда же объясняется долговременное исключительное господство поэтической формы в литературе.

Древнейшей эллинской историей, одинаково понятной, интересной и достоверной для всех классов населения, были те песни, которые составлялись в гомеровское и догомеровское время: все великое и достопримечательное, по свидетельству того же Гомера, находило себе выражение в песне². Добродетели Пенелопы, пороки и преступления Клитемнестры* в равной мере становились предметом песни, причем одна из этих женщин должна была возбуждать к себе в потомках любовь и восхищение, а другая отвращение³. Песни составлялись в большом числе, потому что слушатели всегда с наибольшим интересом относились к новой песне⁴.

¹ См. «Илиада», II, 119; III, 287. 460; VI, 358; XXII, 305; «Одиссея», III, 204; VIII, 580; XI, 433; XXI, 255; XXIV, 433.

² См. «Илиада», VI, 357; «Одиссея», I, 351.

³ См. «Одиссея», XXIV, 197. 200.

⁴ См. «Одиссея», XXIV, 197. 200.

Отдельные короткие песни и созданные на основе их целые поэмы выслушивались не только с эстетическим наслаждением, но и с полной верой в историческую действительность Гераклов, Ясонов, Агамемнонов, Ахиллов, Несторов и других героев, самих Зевсов, Аполлонов, Афродит. Даже в сравнительно позднее время спорившие между собою государства считали возможным ссылаться на гомеровские поэмы как на авторитетные общепризнанные документы. Непрестанное участие богов и богинь в судьбах героев и простых смертных казалось древнему верующему эллину столь же неизбежным и, так сказать, естественным, как нам кажется выдуманным и невероятным. Тем же авторитетом пользовались и поэмы Гесиода, вместе с Гомером* считавшегося составителем греческой теогонии⁵.

Только спустя века четыре или и того более замечаются в литературе признаки недоверия к повествованиям Гомера, Гесиода и других древних поэтов. Не только философы, как Ксенофан, Пифагор, Гераклит*, порицают творцов греческой теогонии за возведение на богов разных преступлений, но и такой глубоко верующий поэт, как Пиндар*, осмеливается открывать глаза публики на некоторые несообразности в творениях древних учителей. Впрочем рядом с этим Персей, Горгона, стоголовый Тифон, кентавр Хирон, великаны Алкионей, Антей и т. п. для Пиндара действительные существа, только отделенные временем и пространством от воспеваемых им олимпийских или истмийских победителей. Чудесное и сверхъестественное, по мере накопления и распространения точных знаний, все больше и больше возбуждало сомнения и недоверие к прежним авторитетам; многие подробности в произведениях древних поэтов отвергались как преувеличения и выдумки; тем не менее в основе своей они не переставали рассматриваться как исторические свидетельства о конкретных лицах и событиях. В этом отношении особенно поучителен Фукидид. Враг чудовищного и чудесного в истории, он смело прилагает к доисторической старине мерку современности, уничтожая всякую грань между ранними продуктами народной веры и фантазии с одной стороны, и современными историческими ему деятелями – с другой. Существования мифических личностей и событий он не отвергает, принимая их от поэтов на веру, он старается только очистить рассказы о них от всего того, что кажется ему искажением и вымыслом, руководствуясь при этом не чем другим, как данными самих же поэтов да субъективным чувством вероятности.

В этом и в подобных случаях вероятность ошибочно принималась за достоверность, а место научной критики заступал субъективный рационализм.

Как долго Гомер и Гесиод сохраняли для эллина значение историков, лучше всего показывает пример Страбона, одного из просвещеннейших людей Эллады I века по Р. Х. «Илиада» и «Одиссея» имеют, по его мнению, историческую основу, которую географ и пытается многократно восстанавливать с помощью приемов древнейших эллинских историков. Вопреки Эратосфену*, Страбон не допускает оценки Гомера с художественной только точки зрения и в одном месте «Географии» замечает, что скорее можно доверять героическим поэтам Гесиоду и Гомеру, нежели Ктесию, Геродоту, Гелланику* и другим подобным.

Ввиду сказанного ясно, что для массы эллинского народа Гомер, Гесиод и вообще древние поэты были настоящими историками и что присутствие в их трудах чудесного элемента скорее укрепляло, а не ослабляло доверчивое отношение к ним наивного эллина.

Таким же значением, только, быть может, в большей еще степени, пользовались следовавшие за Гомером и Гесиодом киклики*, деятельность которых помещается приблизительно между началом олимпиад и концом VI века до Р. Х. Киклики черпали материал для своих произведений из того же источника, что и Гомер, подобно ему верили в историческую действительность мифических и легендарных личностей и событий, но обладали меньшим художественным дарованием и преследовали несколько иные задачи. Они стремились обнять мифическую

⁵ См. Геродот, II, 53. Философы-скептики считали этих поэтов подлинными виновниками ложных представлений народа о божестве. Ср.: Геродот, V, 94; VII, 159. 161. 169. 171; Страбон, IX, 1. 10.

старину во всей полноте ее, начиная от сотворения земли и первого человека и кончая историческим временем; несравненно больше Гомера они были заинтересованы в последовательной передаче длинного ряда событий, наполнявших известный период времени. Киклики или продолжают гомеровские поэмы, или рассказывают о событиях, предшествовавших подвигам и испытаниям гомеровских героев, или отправляются, как от исходных пунктов, от кратких указаний или намеков, содержащихся в «Илиаде» и «Одиссее», и затем развивают их дальше в ряде картин со множеством подробностей и действующих лиц. Художественный интерес боролся у кикликов с стремлением к фактической обстоятельности и хронологической последовательности, благодаря этому позднейшая древность обязана была главным образом кикликам сохранением большинства мифов и героических сказаний; при этом несравненно точнее, нежели у Гомера, басни были приурочиваемы к определенным местностям.

Таким образом, хронология, хотя и весьма несовершенная, и топография, во множестве случаев мифологическая, составляющие необходимые элементы истории, заметно входили в план киклических произведений и приближали их к историческому виду сочинений в позднейшем смысле слова. За такие свойства киклики удостоивались названия «исторических поэтов», и творчество их обозначалось тем же термином, что и составление исторического труда (*suggraŕfein*), а по свидетельству Прокла*, большинство ценило и сохраняло произведения эпического цикла не столько за их поэтические достоинства, сколько за последовательность изложения. С другой стороны, прозаический историк Дионисий из Милета или из Митилены* носил название киклического писателя (*kuklograŕfoj*). Конечно, с точки зрения собственно художественной приемы кикликов не были удовлетворительны, что и отмечает Аристотель в своем рассуждении о поэзии; но тем в большей степени отвечали произведения их интересу публики к истории.

Если от кикликов мы обратимся к элегии, лирике и драме, то и здесь в огромном числе случаев заметим особенное внимание поэтов к историческим фактам, современным и прошлым. Каллип, Феогнид, Солон, Пиндар и другие лирики отводят в своих произведениях видное место историческим событиям, намекам и критическим о них замечаниям. Эсхил, «отец трагедии», ставит на сцену вполне историческую драму «Персы» в трилогической связи с «Финеем» и «Главком»⁶ и, по всей вероятности, низводит историческое, близкое ему событие к началам мифическим. Эсхилова трагедия представляет много общего с изображением тех же событий и с освещением их у Геродота. Обработывая для сцены мифологические сюжеты, афинские трагики не раз пользовались мифическими именами и положениями для того, чтобы высказываться в том или ином смысле о событиях и личностях современных.

Наконец, всякий знает, что в истории эллинской литературы был особый вид драмы, так называемая древняя аттическая комедия с Аристофаном во главе, вся посвященная наблюдению и оценке современных исторических явлений, между прочим, по сравнению с фактами прошлого, и несомненно свидетельствующая о живейшем интересе афинского народа к отечественной истории.

Как бы в противоречии с этим, так сказать, историографическим настроением и поэтов, и публики стоит общеизвестный факт сравнительно позднего появления в Элладе историографии прозаической, посвященной собственно записыванию или восстановлению исторических данных и распределению их в смысле хронологической и прагматической последовательности. Дальше этого эллинская историография и не пошла; она никогда не поднималась до задачи выяснить тот порядок, или закон, по какому следуют одна за другой группы общественных явлений, объединяемые в данный период господствующим настроением мысли и чувства и обнаруживающие в своей последовательности постепенное совершенствование.

⁶ Тетралогия состояла из пьес: «Финей», «Персы», Главк, «Прометей».

Дело в том, что во всех поименованных выше случаях изложение и задачи истории находятся в подчинении у поэзии, в зависимости от поэтической или художественной тенденции автора, подобно тому как в той же поэзии находили себе выражение религиозные потребности древнего эллина, стремление его к точному знанию, вопросы личной и общественной морали и т. п. Правда, такая совместность в разработке задач дала в результате неподражаемые гомеровские поэмы и немного лишь уступающие им аттические трагедии, обеспечивая в то же время силу, продолжительность и всесторонность воздействия на публику. Тем не менее дальнейшие успехи умственной производительности древнего эллина достигнуты были при посредстве дифференцирования предметов и тенденций и образования отдельных дисциплин на месте первоначально общей творческой деятельности поэтов. Единоновременно с этим совершалось в обществе расчленение на группы по свойству стремлений каждой из них, по степени разумения ими теоретических и практических вопросов, причем органом нового движения являлась литературная прозаическая речь, которой пользуются для различных целей историки, географы, ученые, философы, ораторы. Задачей поэзии становилось не изображение внешних событий, но все более и более детальное воспроизведение душевных состояний типических личностей. Потребность в истории искала более соответствующего удовлетворения. Правда, вскоре не замедлила обнаружиться и отрицательная сторона процесса дифференцирования: первый великий прозаик Гераклит имеет в виду только отборную публику и пишет темной речью; за ним следуют в том же направлении несколько других философов; изысканностью и относительной неясностью речи отличаются Эсхил и Фукидид, но в общинах демократических, особенно в Афинах, это значительно умерялось противоположным общественным настроением⁷.

Условия, благоприятные для дальнейшего преуспевания, сложились еще раньше в колониях, преимущественно малоазийских. Географические удобства, благодатные свойства климата, отсутствие стеснительных привилегий и предрассудков, покинутых в метрополии, быстро создавали на новых местах материальный достаток и будили дух предприимчивости и исследования; необходимость устраиваться сызнова в новой обстановке и рассчитывать во всем на собственные силы, многообразные сношения с иноземцами воспитывали в колонистах чувства независимости, терпимости и равенства, возбуждая вместе с тем сознательное, критическое отношение к окружающему. Торговля и знакомство с отдаленными странами и народами расширяли географический кругозор колонистов и исправляли некоторые мифологические представления, заменяя их точным знанием местностей и обитателей. Наконец, правильные сношения с Египтом, установившиеся с конца VII века до Р. Х. – Навкратис был основан в ол. 37, 3*, – открывали древнему эллину чудесный оригинальный мир с культурой, во многом опередившей эллинскую образованность, с неизвестным еще для эллинов запасом точных знаний по математике и астрономии; с этого времени посещение Египта становилось чуть ли не обязательным для образованных или ученых людей Эллады. В частности, сношения с Египтом обеспечивали для эллинов более или менее правильное получение папируса, сравнительно удобного и дешевого писчего материала; употребление его было необходимым условием прозаической письменности и в то же время облегчало распространение знаний в массе.

Во главе умственного и экономического движения стоял до начала V века Милет, хотя о какой-нибудь централизации в то время не может быть и речи. Каждая область, каждый островок, каждый город, находившиеся в благоприятных условиях для деятельности, развивали собственные силы, принося что-либо свое, оригинальное, в общую сокровищницу древнеэллинской образованности. Благодетельные последствия этой независимости и многочисленно-

⁷ «У нас одни и те же лица, – замечает Перикл, – ведут и свои домашние и политические дела; отдаваясь другим занятиям, наши сограждане достаточно понимают политические вопросы. Лишь мы одни считаем не бездейственным только, но и бесполезным человека, который вовсе не участвует в общественных делах». Фукидид, II, 40. Ср. Геродот, V, 29: хорошие земледельцы – достойные правители государства.

сти культурных центров в древней Элладе настойчиво и многократно отмечает один из недавно умерших знатоков эллинской древности Т. Бергк*⁸, .

Вот те условия, при которых вступила в литературу прозаическая речь в древней Элладе, возникла и окрепла эллинская историография как особый вид литературы с собственными задачами и приемами изложения.

⁸ Бергк обращает внимание на то, что даже жители одной Аттики, т. е. в политическом смысле афиняне, разнились между собой по отдельным деревням и околоткам.

II

По словам Страбона, проза развилась постепенно из поэзии. «Прежде, – говорит он, – появилось на свет и приобрело славу поэтическое изложение; потом, подражая ему, разрешая стих, но сохраняя прочие поэтические особенности, писали свои произведения Кадмы, Ферекиды, Гекатеи; затем позднейшие писатели, постоянно отнимая что-либо из поэтических свойств, низвели речь до ее настоящего вида, как бы с какого-нибудь возвышенного положения»⁹. Мнение Страбона, до последнего времени господствовавшее в филологической литературе, имело под собой, между прочим, видимую хронологическую последовательность поэтических и прозаических произведений, источник его – тот же самый, что и другого, еще более распространенного и не менее ошибочного представления о возникновении аттической драмы из эпоса и лирики. На самом деле каждый вид эллинской литературы, равно как и прозаический отдел ее, имел свое собственное начало, которое может быть прослежено до незапамятной древности.

Подлинный источник прозы – обыденная разговорная речь, а подлинно первоначальный опыт ее – та запись или надпись, которая впервые понадобилась древнему эллину для сохранения на память какого-либо события из личной, семейной или общественной жизни.

Уцелевшие до нашего времени обломки древнейшей прозаической письменности, принадлежащие далеко не первым шагам на этом поле, отличаются такой краткостью, отрывочностью, примитивностью изложения, что не позволяют и думать о влиянии поэзии на первые опыты прозы или о преемственной зависимости последней от первой. Отрывки эти неопровержимо свидетельствуют, что с самого начала эллинская проза шла своей дорогой и первыми успехами обязана была собственным усилиям, а не услугам поэтической речи. В этом именно смысле высказывается и упомянутый выше немецкий ученый. «Уже в самом начале, – замечает Бергк, – старательно соблюдалась пограничная линия между поэтической и прозаической речью. Изложение прозаическое было просто и безыскусственно; предложения и мысли располагались в нем в ряд, слабо связанные между собой. Достойно внимания, как поэзия, задолго до того достигшая соединения предложений в периоды и мастерски ими пользовавшаяся, как она мало воздействовала на прозу древнейшего времени. Прозаическая речь, движущаяся по гладкой поверхности, представляла с самого начала отдельный вид, умышленно (?) отрекавшийся от искусственных средств поэзии».

Прежде всего трудно допустить, чтобы древний эллин, по усвоении финикийского алфавита и по применении его к фонетике родного языка, долго воздерживался от употребления прозаического письма для различных ближайших целей. Дошедшие до нас надписи не восходят дальше VIII века до Р. Х., но это не значит еще, что более древних надписей вовсе не было. Для позднейших историков, не исключая и Геродота, важнейшим источником достоверных сведений о старине служили краткие документы, хранившиеся в храмах и на публичных местах городов. Это были главным образом списки имен государственных чиновников – в Спарте царей и эфоров, в Афинах архонтов – или же жрецов, жриц и победителей на народных состязаниях. Так, известны перечни жриц Геры Аргосской и жрецов Посейдона в Галикарнассе, списки победителей на Олимпийских играх, с начала III века до Р. Х. легшие в основу счисления по олимпиадам, и на других общеэллинских празднествах; наконец, существовали списки победителей на Карнейском празднестве в Спарте. Подобные документы содержали в себе рядом с именами и краткие заметки о выдающихся современных событиях. Сверх того

⁹ Основанием для такого взгляда могли служить примеры Акусилая, переложившего поэмы Гесиода в прозу, Гелланика, писавшего прозой и стихами, наконец, предание об эпическом поэте Евмеле* (ол. 9), будто бы написавшем прозой историю Коринфа.

было немало надписей на пограничных столбах, на пожертвованных в храмы предметах: треножниках, статуях и т. п. Святилищем, богатейшим подобными приношениями, было, несомненно, дельфийское. Гробницы также часто украшались надписями. В этих случаях в надписи входили более или менее определенные хронологические даты и краткие повествования о подвигах отдельных граждан или целых государств.

По мере развития городов памятники письма умножались и увеличивались в объеме; колонии шли, разумеется, впереди метрополии. Отдельные распоряжения властей или постановления Народных собраний, коммерческие сделки и политические договоры, наконец, собрания законов – все это требовало прозаического письма и подготовляло вкусы публики к чисто литературным произведениям в прозе. Древнейшее писанное законодательство Залевка* появилось в Локрах Эпизефирских около 660 года до Р. Х., а вскоре после того для Катаны и других халкидских колоний в Великой Элладе обнародованы были так называемые законы Харонда*. В 621 году появилось в Афинах записанное обычное право Аттики под именем законов Дракона*, а в 694–м выставлены на афинской площади Солоновы законы*.

Лет двадцать – тридцать спустя появляется в Милете (около ол. 50) первый опыт прозы для целей литературных, именно историко – географический труд Кадма*, первого прозаического писателя, по свидетельству Плиния, Порфирия* и других. За ним следовал целый ряд историков – прозаиков, обозначаемых обыкновенно по почину Фукидида именем логографов. Памятниками этого периода историографии, не включая сюда Геродота, служат для нас сравнительно немногочисленные и ничтожные отрывки нескольких логографов¹⁰: Гекатея из Милета, Акусилая из Аргоса беотийского, Харона из Лампсака, Ксанфа из Лидии, Гелланика из Митилены и Ферекида из Лера*. От прочих уцелели одни имена, да разве названия сочинений: Кадм и Дионисий из Милета, Гиппий из Регия, Деиох и Бион из Проконнеса, Дамаст из Сигея*, Евгеон из Самоса, Демокл из Фигел, Евдем из Пароса, Амелесагор из Халкедона «и многие другие», заключает Дионисий. Все это были предшественники или старшие современники Геродота; каждый из них прибавлял что-либо к эллинской историографии и в смысле материала, и в смысле усовершенствования прозы и выработки соответствующих приемов. Усиленная деятельность логографов свидетельствовала, что в обществе возрастал живой интерес к предметам географии, этнографии, хронологии, истории самим по себе, независимо от художественного изложения.

То самое, что прежде составляло задачу и давало мотивы для поэтической разработки, излагалось теперь простой разговорной речью без поэтического воссоздания душевных состояний героев, с единственным намерением закрепить факты письмом. Сходство с прежними поэтами обнаруживалось в мирозерцании, отчасти в материале, в неизменной вере в мифические события, но тем очевиднее становилась разница между поэтами и историками в обращении с материалом. И у историков немногие достоверные данные мешались со всякого рода мифами и баснями, документальные хронологические показания заносились в один ряд с вычислениями по мифологическим родословным. Но само обнажение письма от красот поэтического вымысла способно было возбуждать сомнение в достоверности или возможности некоторых, по крайней мере наиболее чудовищных, образов и положений, призывало читателя к критике.

Источниками для логографов, как историков прошлого, служили, кроме скудных документальных свидетельств, те же самые устные предания, из которых черпали поэты, рассказы жрецов и, наконец, произведения этих самых поэтов. Таким образом значительная доля труда

¹⁰ В разряд логографов заносит Фукидид и Геродота, – Геродота, быть может, преимущественно перед прочими. Так были названы им предшествовавшие историки-прозаики в отличие от поэтов. Гекатей называется у Геродота λογογράφος прозаиком, как Ктесий называет самого Геродота. Из новых ученых Крейцер, а за ним и другие перевели Геродота из рядов «логографов» в число «историков». У Фукидида, от которого заимствован термин, слово «логографы» имеет общее значение «прозаических писателей».

логографов в этой области сводилась к прозаическому переложению известий о лицах и событиях, воспетых ранее Гомером, Гесиодом, кикликами и другими поэтами. Акусила перекладывает в прозу, не без некоторых отступлений впрочем, поэмы Гесиода, Дионисий из Милета называется «киклическим писателем», а иные киклики цитировались в древности как «поэтические историки». Только в таком смысле можно и должно допускать влияние поэзии на прозаическую историографию и некоторую преемственность последней от первой. Влияние другого рода, более прямое и действительное, поэзии на прозу принадлежит позднейшей поре историографии, обнаруживаясь впервые на Геродоте. И в этом отношении аналогия прозы с драмой очевидна: о влиянии эпоса на драматургов доэсхилиовских мы не знаем ничего, тогда как Эсхил, по преданию, называл свои трагедии крохами от гомеровской трапезы. Достаточно вспомнить здесь, как ближайший наставник Геродота Паниасис обработал Геракловы легенды* в четырнадцати песнях и в значительной поэме изложил странствования ионян и судьбу их колоний и как наш историк под влиянием родственника – поэта обращал особенное внимание на те же предметы. Потом зависимость Геродота от эпической поэзии не подлежит сомнению. «Один только Геродот был вполне гомеристом», – замечает о нем Лонгин*. Близость к Гомеру видна на каждой странице Геродотового текста, доказана учеными давно и состоит не в тождестве отдельных только слов и оборотов, но также во всем плане труда и в общем его характере.

При некоторых индивидуальных особенностях древнейших историков в соединении с последовательным преуспеванием историографии, труды логографов имели многие общие черты. Согласно господствовавшему в обществе интересу к судьбе колоний и их метрополий, к древним эллинским родам и племенам, к посещаемым народам и странам, сочинения логографов распадалась по содержанию, говоря вообще, на историко – генеалогические и географико – этнографические. Первые состояли главным образом в последовательном изложении судеб героев местных и общих, с прибавлением в начале космогонии и теогонии и с переходом в конце к историческим личностям и событиям, вторые – в перечислении географических пунктов с упоминанием относящихся к ним предметов: обитателей, животных, растений, храмов и т. д. и т. д. Истории городов (*ktiŷseij roŷlewn*) приурочивались к судьбам племен или родов и излагались по мифологическим родословным.

Для характеристики сочинений первой категории мы ограничимся немногими примерами. От одного из логографов, Ферекида, осталось около 120 отрывков его «Истории», уже в древности делившихся на десять книг. Это – ряды легенд, приуроченных к Фессалии, Беотии, Арголиде и другим частям Эллады и расположенных в хронологической последовательности. «Героегонии»* предшествовала, должно быть, вкратце, теогония, а заключение составляли, по всей вероятности, еще более краткие упоминания об исторических деятелях с относящимися к ним историческими событиями: так, род Филаидов доведен до марафонского победителя, упоминается скифский царь Иданфура, очевидно, Геродотов Иданфирс, относящийся к концу VI века до Р. Х. Потомство Аполлона, Посейдона, Геракла, Персея, Агенора, Инаха и других, начиная от божественных родоначальников их и кончая человеческими представителями, излагались на основании народных сказаний и поэтических произведений, с большими или меньшими подробностями, в порядке смены одного поколения другим. Во многих случаях историк отступал от общераспространенной редакции различных сказаний. Одно это обстоятельство способно было поколебать веру читателей в священную неприкосновенность традиций.

Так, по Гесиоду, Тифон низвергнут в Тартар, а у Ферекида он погребен живым под островом Питекуса; у него особые варианты генеалогии Ехидны, сказания об Электрионе и Амфитрионе, о задушении Гераклом змей и пр.

От «генеалогий» другого историка, Гекатея, уцелело 37 отрывков, составляющих ничтожный обломок героической истории Эллады. Это был перечень поколений Девкалиона и других эллинских героев, родоначальников отдельных частей эллинского племени, и этот исто-

рик в изложении судеб героев не раз уклонялся от общепринятых редакций. Если нет никаких следов того, чтобы Гекатей связывал героогонию с теогонией, все же несомненно, что человеческий род он ставил в преемственную связь с мифическим поколением героев и богов. Так, свою собственную родословную он возводил в шестнадцатом колене к божеству¹¹.

По тому же плану построена была историческая хроника Гелланика, охватывавшая собою мифическую старину Аргюлиды, Фессалии, Аттики и Троянскую войну под видом повествований о потомстве Фороней, Девкалиона, Кекропа и Атланта; в истории Аттики он спускается до Пелопоннесской войны включительно.

Насколько можно судить по Диодору Сицилийскому*, Дионисий из Милета пытался составить нечто вроде цельной истории Эллады, начиная от времен мифических и кончая событиями, современными писателю. О плане сочинения можно составить себе понятие по тому же Диодору, неоднократно заявлявшему, что в изложении он следует за Дионисием Милетским. Не без основания Крейцер* приписывает труду логографа единство плана не хронологическое только, но и прагматическое; ряды и группы мифов о героях следуют одни за другими не столько в порядке хронологической последовательности и не по отдельным местностям, сколько по внутренней связи между ними со стороны содержания.

Если бы логографы остановились на этой ступени историографии, то и тогда деятельность их представляла бы значительный шаг вперед сравнительно с «историческими поэтами». Логографы обратили первостепенное внимание на местные сказания, которые при всей недоверности отдельных фактов и подробностей, в них сообщаемых, содержали важные указания на исторические отношения далекого прошлого: на движение племен, на взаимные их отношения, на судьбы различных местностей, памятников и т. п. Потом, только благодаря логографам сохранились для позднейшей древности и для нас многие варианты мифов более первобытной формации, нежели гомеровские или гесиодовские повествования о тех же или иных событиях и лицах. Наконец, случаи уклонения от законодателей теогонии и героогонии были поучительны сами по себе, тем более что они имели за собой также авторитет давности или принадлежность определенному святилищу. Но логографы на этом не остановились.

Им принадлежат первые попытки введения в литературу точной хронологии. Самое видное место в этом отношении занимает Гелланик, воспользовавшийся списком жриц Геры Аргосской (Ηρεοιδες) для хронологического распределения эллинской истории и мифологии. Конечно, начало списка было мифологическое: во главе его стояло имя Ио; но он нисходил до времени самого историка. Тот же историк впервые обработал для целей историко – литературных другой подобный список, κατ'εθνικα, победителей на Карнейских состязаниях с ол. 26; по всей вероятности, с именами победителей внесены были в летопись выдающиеся факты из истории литературы. Подобного характера были, как можно предполагать, «Летописи лакедемонян» и «Летописи лампсакийцев» Харона.

С другой стороны, логографы, как замечено уже выше, имели дело не только с мифическим прошлым, для точного ознакомления с которым они располагали крайне скудными средствами; не один из логографов обращался и к чисто историческим и современным событиям. Предшественником Геродота в этом отношении был, кроме Гекатея, Ферекида, Гелланика, также Харон из Лампсака. Он составил историю Персии (Περσικα), посвященную, между прочим, тем же событиям, что и труд Геродота, именно эллино – персидским войнам, и доведенную дальше очищения Сеста. «Летописями Лакедемона», как и «Историей Персии», весьма вероятно, пользовался и Геродот.

Заслуги логографов не ограничивались и этим: у некоторых из них мы находим первые опыты критики. Так, историческое сочинение Гекатея начиналось замечанием, что «он будет излагать только то, что кажется ему достоверным, ибо многие повествования эллинов до оче-

¹¹ Геродот, II, 143.

видности смешны». Ввиду такого вступления нельзя сомневаться, что историк относился к материалу с разбором, что многие басни были отвергнуты им как вымыслы. Отрывки 346, 349 и 357 – единственные уцелевшие образчики скептицизма историка. В первом из них он предлагает разуть под Кербером о трех головах огромную змею, обитавшую на Тенаре, причем объясняет по – своему превращение ее в собаку преисподней: «потому что укушенный ею неизбежно тотчас умирает от яда». В отрывке 349 историк отвергает всякое отношение Гериона к Иберии и странствование Геракла к острову Эриффея по ту сторону Столпов: «Герион был царем того материка, что подле Амбракии и амфилохов, из этой-то страны и угнал коров Геракл». В третьем из названных отрывков Гекатей вместе с некоторыми другими отрицал прибытие Египта в Аргос: «Так называется, – заключает он, – в Аргосе мыс, на котором творят суд аргивяне». Сюда же можно отнести и фрагмент 72, в котором Гекатей объясняет происхождение названия реки Инах у амфилохов, отличной от реки того же имени в Арголиде.

Характеристическими образчиками первоначального рационализма могут считаться Гекатеевы этимологии, в большом числе попадающиеся даже в его отрывках. Так, имя города Синопы есть для него испорченное Санапа, а Санапой назван город от пьянствовавшей амазонки, ибо у фракийцев пьяницы называются *санапами*: «Пьяница – амазонка прибыла из этого города к Литиде». Остров Тенедос, по Гекатею, значит «жилище Тенна» (Τένου εδος); Микены названы от верхней части рукоятки меча (μικης), потерянной на том месте; город Хиос на острове того же имени назван так или по имени Океанова сына Хиоса, или от снега (χιων), или от нимфы Хионы и других. Характеристическими назвали мы подобные этимологии потому, что, в сущности, в том же роде была вся критика первых историков, не исключая в большинстве случаев и самого Геродота, даже Фукидида, относительно далекой старины. Единственным основанием для такого рода критики является субъективное чувство вероятности или невероятности данного известия или объяснения. Тот же самый скептик Гекатей, равно как и другие ранние историки Эллады, обыкновенно признавали историческую реальность тех событий и лиц, относительно которых у них не было других свидетельств, как народные предания или поэтические произведения. Только отдельные данные этого мифологического прошлого, противоречившие усилившемуся требованию естественности, возбуждали сомнение и отвергались как невозможные. При этом скептик вовсе не входил в те исторические условия и в то умственное и общественное состояние своих предков, которые одни способны были произвести на свет то или другое «невероятное» сказание, дать содержание для этого последнего, и знакомство с которыми обязательно для понимания их бытового смысла и значения как памятников известной степени умственного развития. Впрочем, у Геродота мы найдем не один пример объективной критики, когда он, не полагаясь на личное чувство вероятности и не принимая вероятность за достоверность, обращается для проверки известия к другим источникам: к наблюдению на месте, к заранее собранным сведениям о местностях и лицах, к сравнению и т. п.

Не может быть сомнения, что и позднейший из логографов, Гелланик, применял к своим источникам такие же приемы критики, как и Гекатей. По крайней мере известно, что вопреки общераспространенному мнению он уверял, что Троя не была разрушена эллинами до основания, что виновниками государственного устройства Спарты он называл Прокла и Еврисфена*, а не Ликурга, о котором вовсе не упоминал¹².

У логографов мы находим также начатки литературной критики, образцами которой может служить мнение Харона о принадлежности «Навпактийской поэмы» поэту из Навпакта, а не из Милета, как утверждали многие, а также нередкое разногласие Гекатея с Гесиодом и другими поэтами.

¹² Страбон, XIII, 1, 42; VIII, 5, 5.

Дальнейший успех историографии должен был состоять в усилении интереса к близким и современным событиям, к таким предметам и лицам, относительно которых можно было собрать сведения в достаточном количестве и проверить их, и соответственно с этим в возможно полнейшем устранении из истории предметов мифической или героической старины, в то время совсем еще недоступных для точных изысканий. Таков и был ход эллинской историографии на самом деле, – и заслуги логографов в этом направлении были чрезвычайно важны.

Если бы до нас дошла одна только общая характеристика логографов, сделанная Дионисием Галикарнасским*, то и тогда первые историки Эллады представлялись бы нам не только историками, но едва ли не в большей еще мере и географами. «Одни из них, – по словам ритора I века до Р. Х., – записывали эллинские, другие – варварские повествования, не связывая их между собою, но располагая по народам и городам и излагая отдельно одни от других. Преследовали они одну и ту же цель: сделать общеизвестными все памятники, какие только хранились у туземцев и были рассеяны по народам и городам, именно лежавшие в храмах и других общественных зданиях записи, в том самом виде, в каком находили их, ничего к ним не прибавляя и не убавляя, в том числе были и некоторые мифы, благодаря своей древности пользовавшиеся доверием, а также рассказы об удивительных происшествиях, кажушиеся слишком ребяческими нынешним читателям».

Наблюдение Дионисия подтверждается уцелевшими отрывками не только географических трудов первых историков, но самых «генеалогий» их, или «историй». Переходя из города в город, из страны в страну, собирая в них местные сказания о прошлом и запасаясь сведениями о разного рода достопримечательностях в настоящем, логографы распределяли добытый материал прежде всего в топографическом порядке, а затем приуроченные к различным географическим пунктам легенды излагали по генеалогиям. Таковы «истории» Ферекида, Гекатея, Акусилая и других; не подлежит сомнению, что в так называемых «генеалогиях» нередко находили себе место сведения географические, и наоборот: в сочинениях собственно географических попадались отступления в историю той или другой местности, того или другого древнего рода. Как сохранившиеся отрывки, так и замечание Дионисия показывают, следовательно, что труды логографов были результатом более или менее продолжительных путешествий, наблюдений и отчасти изысканий на месте, вот почему наиболее выдающиеся логографы были прежде всего весьма усердными путешественниками и в этом отношении подготовляли появление Геродота: Гекатей и Гелланик, по всей вероятности, посетили большую часть известного тогда мира¹³. Рядом с мифами и легендами, тщательно заносимыми в свои сочинения, логографы впервые открывали для читателей множество стран, городов, племен, культов и других неведомых дотоле предметов и сами благодаря опыту становились просвещеннейшими людьми своего времени¹⁴. Таким путем в обществе увеличивался запас точных разнообразных сведений, а вместе с ним усиливалась любознательность и охота к дальнейшим изысканиям, внимание к близкому или современному ослабляло интерес к баснословной древности.

Сохранившиеся фрагменты Гекатея или лидийца Ксанфа не позволяют сомневаться в том, что географические труды первых историков представляли собой своего рода энциклопедию знаний о местностях, посещенных лично или упоминаемых и описываемых со слов других лиц. Название страны, поименование жителей ее, перечисление городов, рек, гор, озер, иногда определение расстояний между ними и т. п. служили во многих случаях только пунктами отправления для сообщения сведений о естественных свойствах местности, о тамошней растительности и животных, об образе жизни и общественном устройстве обитателей, о культах и храмах и т. д. и т. д. Так Гекатей останавливается на особенностях Египта, на Ниле и его

¹³ Гекатей называется у Агафемера* «много странствующим» (πολλυλαγής); ему приписывается усовершенствование Анаксимандровой географической карты*; Гелланик носит эпитет «много знающего».

¹⁴ Геродот свидетельствует о политической мудрости своего предшественника. См. V, 35–36. 125.

разливах, на крокодилах, гиппопотамах и других животных. Местность близ города Адрии он называет весьма благоприятной для скотоводства, а относительно фракийских жителей, пеонов, сообщает, что они готовят себе напиток из ячменя или проса и намазываются коровьим маслом.

От лидийца Ксанфа уцелели отрывки с весьма интересным содержанием, историческим и бытовым. Лидийский историк в описании страны несомненно касался тех самых предметов, о которых позже пришлось говорить Геродоту: царствования и судьбы Креза и других владык Лидии, смены династий Гераклидов и Мермнадов и т. п. Ксанф отмечал геологические перевороты, которым в разное время подвергалась Лидия и вследствие которых она превратилась из дна морского в материк, говорил о передвижениях различных племен, о смешанных половых отношениях, об обрезании женщин, сообщал мифы о богах, героях и о доисторических царях Лидии.

Итак, уже до Геродота эллинская историография обрабатывалась с большим усердием множеством писателей. Наиболее раннюю ступень ее составляло поэтическое воспроизведение прошлых и современных событий с преобладанием художественной тенденции, с попытками, нередко весьма удачными, психологического анализа действующих лиц, но с склонностью к морализации и со слабым интересом к достоверному установлению отдельных фактов, их времени и места. Ранние опыты прозаической историографии обличают в авторах предпочтение к событиям и личностям мифологическим, относительно которых они располагали почти тем же самым материалом, что и древнейшие поэты. Но у историков прозаических, в значительной мере освободившихся от эстетических тенденций, стояли на первом месте требования хронологии и топографии событий, то есть необходимые условия правдивой истории. Кроме того, в некоторых случаях они спускались до личностей и событий вполне исторических и современных, в этой части своих трудов пользуясь и документальными источниками. Большое внимание они оказывали географическим и топографическим данным, которые добывались ими во время путешествий, и вводили в свои труды начало рациональных объяснений и исторической критики. Примерами рационалистической географии того времени могут служить, например, попытки Гекатея приурочить к определенному по возможности местожительству гомеровских пигмеев, воюющих с журавлями, и объяснить источник самих этих войн, а равно попытку перенести Гериона из неопределенного далека в Элладу.

К числу логографов Фукидид и отчасти Дионисий Галикарнасский относят и Геродота.

III

По времени жизни и отчасти по характеру литературной деятельности Геродот принадлежит первой половине Периклового века, который с полным основанием может быть назван веком рационализма в Элладе. Детство и юность провел он в знаменательнейший период эллинской истории – победоносной борьбы эллинов с варварами, живейших воспоминаний об этой борьбе и торжества Афинской республики как спасительницы Эллады; в возрасте возмужалом историк был свидетелем быстрого возрастания Аттики, политического, умственного и экономического, напряженной борьбы партий в демократических Афинах и занятия ими первенствующего положения не в Элладе только, но в целом известном тогда мире¹⁵. Хотя в труде Геродота и содержатся несомненные указания на то, что историк пережил по крайней мере первые годы Пелопоннесской войны, однако из того же самого труда видно, что по своему мирозерцанию и пониманию окружающего он стоял в то время уже позади совершившихся перемен и что события Пелопоннесской войны и тогдашнее состояние эллинских государств оказывали мало влияния на ранее сложившийся образ мыслей историка¹⁶.

И в другом еще отношении Геродот находился на перекрестке различных направлений: он родился и первоначально воспитывался в персидском подданстве, в то еще время, когда владычество персов казалось всемогущим и несокрушимым, потом подвергнулся изгнанию за деятельное участие в борьбе с тираном в родном городе. Но бо́льшую и наиболее плодотворную пору жизни историк наш провел в совершенно иных условиях: в продолжительных путешествиях, в общении с выдающимися личностями Перикловых Афин, в среде граждан, славившихся терпимостью и человеколюбием и пользовавшихся широкой политической свободой; это были те самые граждане или близкие потомки их, которые победой на Эвримедонте (466/65 г. до Р. Х.) содействовали освобождению и его родного города от персидского владычества и тирании.

Природные дарования, необыкновенно богатый личный опыт, влияние пробуждающейся в обществе критики соединялись в Геродоте с глубокой верой в божество, в божеское мироправление, ревниво, на каждом шагу следящее за соблюдением меры не только в житейских отношениях людей, но вообще во всей природе, неизменно восстанавливающее нарушенную справедливость путем «равного возмездия».

Разумеется, наличие точных биографических известий помогло бы нам выяснить подлинный смысл и источники многих особенностей в мировоззрении автора, в его политических и племенных симпатиях и антипатиях и в самом построении истории. Но в этом отношении Геродот разделил участь огромного большинства античных писателей. Ни современники его, ни ближайшие потомки не имели обыкновения закреплять в точных записях хотя бы важнейшие факты из жизни выдающихся литературных деятелей; мы знаем, что такова же была судьба и Фукидида.

Скудость точных биографических сведений о Геродоте восполняется теперь догадками; позднейшие же измышления грамматиков и сообщаемые им предания обязывают читателя к строго критическому отношению¹⁷.

¹⁵ Сам Геродот приурочивает начало процветания Афин к ол. 67, 4 (510 до Р. Х.), т. е. ко времени установления клисфеновской демократии (V, 78).

¹⁶ Магаффи заходит слишком далеко, когда в труде Геродота отрицает присутствие следов влияния перикловских Афин на мировоззрение и язык писателя. Вместе с тем теряет свою силу предлагаемая им в объяснение этого явления догадка, будто Геродот явился в Афины с готовым сочинением и здесь только дополнял и исправлял его: «Вероятнее всего, пришел он уже с готовым текстом и лишь правил и совершенствовал его, заполняя досуг».

¹⁷ Образцом некритического изложения биографии Геродота может служить в русской литературе книжка Дьячана* «Геродот и его Музы» (1877). На русском языке о Геродоте писали П. Редкин («Геродот и его повествования», 1847) и М. Драгоманов* (1868; не окончено).

При оценке произведений и известий этого последнего рода, принадлежащих преимущественно византийской эпохе и непосредственно ей предшествовавшей, надлежит иметь в виду наиболее характерную их особенность: позднейшие компиляторы довели до крайности черту изложения, унаследованную от классической поры эллинской литературы и состоящую в умалчании источников, в недостатке различения известий, засвидетельствованных достоверными показаниями, от предположений и комбинаций ближайших предшественников, в том наконец, что и свои собственные соображения и догадки, раз они казались безошибочными, писатели этой поры и этого направления выдают под видом фактических положительных известий¹⁸.

Насколько неопределенны и ненадежны имеющиеся у нас биографические данные о Геродоте, легко убедиться из чтения нескольких биографических очерков, принадлежащих известным филологам и находящихся в общих курсах истории древнеэллинской литературы, в специальных монографиях или во введениях к тексту писателя. Многое из того, что принимается одним биографом Геродота как бесспорное, подвергается сомнению у другого или решительно отвергается; или одно и то же древнее «известие» истолковывается различнейшим способом и сводится к исключаяющим друг друга заключениям. Так, одни филологи, как Бэр, Крюгер, Штейн*, допускают чтение Геродотом различных частей своей истории не только в Афинах, но и в Олимпии и в других местах Эллады; другие, как Дальман, О. Мюллер, Мунк, Шелль, Кирхгоф*, приурочивают это известие только к Афинам; третьи, как Цейц, Рюль, Магаффи, Зиттель*, отвергают его целиком. Местом смерти и погребения историка одни называют итальянский город Фурии, другие с такою же уверенностью хоронят его в Афинах и т. п. Наибольшим разногласием отличаются решения филологов по вопросу о путешествиях Геродота, о местах, посещенных им и о порядке путешествий: по мнению одних, Геродот посетил чуть не все те местности, о которых говорит в более или менее положительном тоне; по мнению других, особенно Гильдебранда, Сэйса и Панофского*, пределы путешествий «отца истории» должны быть сильно сокращены.

Ввиду сказанного читатель понимает, что изложение Геродотова жизнеописания менее всего может быть догматическим, хотя, с другой стороны, отрицание уцелевших преданий должно быть обосновано достаточно вескими соображениями: или изобличением внутренних противоречий в известиях, или выяснением вероятнейшего источника этих последних и процесса образования их в связи с особенностями сочинения писателя; менее всего позволительно превращение невероятных по существу известий в правдоподобные путем изъятия одних подробностей и замены их другими, памятуя правило, что правдоподобие само по себе составляет весьма слабое ручательство за достоверность.

Явные следы вымысла носит на себе связный рассказ писателя II века по Р. Х. Лукиана Самосатского* о том, как Геродот, завершив свой труд на азиатской родине и желая возможно скорее и легче прославиться, решил не читать его поочередно в важнейших городах Эллады, каковы Афины, Коринф, Аргос, Лакедемон, но выступить на начинавшемся тогда Олимпийском празднестве перед знаменитостями, которые собирались здесь со всей Эллады. Он занял место в Олимпии на площадке храма и прочитал свое произведение перед многолюдным собранием. Эффект получился необычайный. «Восхищенные слушатели приветствовали девять книг, на которые сочинение было разделено, наименованием их по девяти музам, каковое они навсегда и удержали. С этого момента известность автора была так велика, что

¹⁸ Нередко случалось, что ограничительные выражения предшественников вроде «кажется», «говорят» и т. п. опускались в позднейшей передаче. Нечто подобное мы наблюдаем и у новых филологов. Так, например, О. Мюллер говорит: «wir wissen, dass er (Hellanikos) beim Beginne des Peloponnesischen Krieges 65 Jahr alt und als Schriftsteller noch thätig war» («мы знаем, что ему (Геланику) перед началом Пелопоннесской войны было 65 лет и он все еще был писателем»). Уверение Мюллера основывается на «известии» Памфила, где употреблено однако выражение videtur. Потому догадку Скалигера*, приурочивающего чтение Геродотом своей истории к большим Панафинейям, тот же Мюллер передает как древнее достоверное известие. Далее Виламовиц* высказывает предположение, что Геродот умер в Афинах от чумы.

перед ней померкла слава победителей в состязаниях. Впоследствии самый невежественный человек в Элладе знал имя Геродота».

Недостоверность, сама невозможность рассказанного Лукианом изобличается без труда. Во – первых, деление на девять книг не принадлежит самому автору, тем менее наименование их музами. Для обозначения предыдущих и последующих частей своего труда Геродот пользуется неопределенными выражениями вроде: «в другом рассказе» или повести, предании (ἐν ἄλλῳ λόγῳ II, 38; VI, 39), «в первом из рассказов (ἐν τῷ πρώτῳ τῶν λόγων V, 36), «в последующих рассказах» (ἐν τοῖσιν ὀπίσθιν τοῖσιν λόγοις I, 175) и т. п. Искусственность и, так сказать, насильственность нынешнего деления ясно показал Ад. Бауэр* в своем исследовании «Die Entstehung des Herodotischen Geschichtswerkes» (1878); гораздо раньше его А. Кирхгоф по рассмотрении плана сочинения пришел к выводу, что деление на девять книг не могло исходить от Геродота, так как не имеет ничего общего с подлинным распределением всего материала. Кроме того, как примирить с рассказом Лукиана о появлении Геродота из Галикарнасса на Олимпийских играх присутствие в сочинении историка указаний и намеков на события Пелопоннесской войны, т. е. после 431 года¹⁹. Деление на девять книг, уже известное Диодору Сицилийскому (IX, 37. 6), т. е. в I веке до Р. Х., происходит от александрийских грамматиков; обозначение книг именами муз должно было последовать позднее. Во – вторых, сочинение Геродота не могло восхвалять эллинов в такой степени, как рассказывает о том Лукиан, потому что далеко не все эллинские государства изображены историком в выгодном свете: многие города в знак покорности поспешили выдать персам землю и воду, и настоящими спасителями Эллады Геродот называет одних афинян. «Здесь я вынужден высказать мнение, – замечает историк, – *ненавистное для большинства эллинов*, но не стану умалчивать о том, что считаю истиной: если бы афиняне из страха перед угрожающей опасностью покинули свою страну или, не покидая и оставаясь на месте, отделились Ксерксу, никто бы не решился выступить против царя на море» (VI, 139)²⁰. В – третьих, само содержание Геродотовых «историй», изобилующих географическими и топографическими показаниями и соображениями, целыми перечнями царей, ссылками на предыдущие и последующие части труда, делает невероятным чтение их на Олимпийских состязаниях, для чего потребовалось бы несколько дней кряду. В – четвертых, Геродот ни при жизни, ни долгое время после смерти вовсе не пользовался той славой, в ореоле которой образ историка рисовался позднейшему ритору; но об этом подробнее после. Наконец, судя по характеру речи Лукиана о Геродоте, рассчитанной на то, чтобы позабавить слушателей занимательными рассказами, сам автор ее не придавал нарисованной выше картине значения фактического известия. К тому же мы не имеем решительно никаких оснований, следуя за Лукианом, переносить веков за пять – шесть назад обычай II столетия нашей эры читать исторические сочинения на Олимпийских играх, обычай, о котором свидетельствует Дион Хризостом*.

Таким образом, в рассказе Лукиана соединилось, кажется, все, чтобы сделать ясной саму невозможность сообщаемого им факта. обстоятельный критический разбор его сделан впервые Дальманом, доводы которого повторены и подкреплены убедительнейшими соображениями у Мьюра и Шелля. Писатель II века по Р. Х. имел перед собою обширную известность «отца истории», быть может, смутные предания о каких-то чтениях Геродотовых историй самим автором; из этих двух элементов при крайней скудости биографических известий об авторе и при слабости приемов литературной критики он не постеснялся сложить эффектный рассказ, находящийся в противоречии и со свойствами самого сочинения, и с условиями Олимпийских состязаний в V веке до Р. Х. Понятно, что известия о том же чтении в Олимпии более позднего происхождения, как, например, у Свида* под словом «Фукидид», не могут служить подтверждением Лукиана, тем более что чтение Геродота приукрашено здесь сказкой

¹⁹ Додвелл* относит олимпийское чтение к 81 ол. (458–454 до Р. Х.).

²⁰ Ср.: VIII, 3. 142; IX, 60.

о трогательной встрече двух историков в присутствии отца младшего из них. Следовательно, не только второстепенные подробности Лукианова известия возбуждают сомнение, но и сущность его оказывается плодом фантазии, мало справлявшейся и с историей, и с самим трудом Геродота; заключение это неизбежно помимо какой бы то ни было гипотезы о времени оставления историком Кари и пребывания его на Самосе.

Более вероятным кажется известие, принадлежащее также позднейшей древности, о чтении Геродотом своего сочинения в Афинах; правдоподобность его усиливается тем, что предание знает точно само время чтения и то лицо, по предложению которого автор был будто бы щедро награжден за свой труд. Так, в хронике Евсевия* под ол. 83, 3 или 4 (446 или 445 до Р. Х.) говорится: «Геродот был удостоен почестей, когда прочитал в Афинах книги свои в совете», а у Плутарха или Псевдо – Плутарха* называется свидетель Диилл, афинский историк конца III века до Р. Х., по словам которого Геродот получил от афинян десять талантов за то, что в своем произведении расточал лесть им. Но и в этом известии невероятной оказывается сумма наградных денег, выданных Геродоту из государственного казначейства, и небывалой сама выдача подобной награды за историческое сочинение²¹. Потом, где и при каких обстоятельствах происходило чтение? Относительно источника хронологической даты в данном случае мы ничего не знаем, а вообще известно, что подобные категорические определения в позднейших компиляциях в большинстве случаев бывали весьма гадательны. Наконец, трудно решить, чтение ли в Афинах и награда автора послужили к басне о мотивах, будто бы руководивших афинянами при награждении лстивого историка, или же наоборот: ложное представление о лстивости Геродота вызвало басню о небывалом всенародном чтении. Этот последний порядок едва ли не более вероятен, особенно ввиду заметок Диона Хризостома и того же Псевдо – Плутарха о причине неодобрительного суждения Геродота о коринфянах и фиванцах. Первый из них напоминает коринфянам, как некогда явился к ним Геродот с правдивыми еще повествованиями об эллинах вообще и о коринфянах в частности и требовал за то вознаграждения от государства. «Не получивши мзды, ибо предки ваши не желали покупать славу на рынке, он внес всем нам известные переделки в повествование о Саламинской битве и об Адиманте». Псевдо – Плутарх называет беотийца Аристарха, писавшего, что Геродот требовал денег от фиванцев, но не получил, и потому-де фиванцы изображены у него предателями Эллады²². Не говоря о том, что выставляемое здесь против Геродота обвинение в пристрастии не оправдывается ни сочинением его, ни фактической историей персидских войн, в «известиях» Диона и Плутарха мы имеем разительный пример того, как в пору позднейшей древности, когда классические писатели стали предметом систематического изучения, недостаток достоверных сведений о личности писателя восполнялся выдумками, часто совершенно ошибочно построенными на тех или других местах самих сочинений интересовавшего их автора²³. Если Геродот, по мнению малосведущего грамматика, лстит одному народу, то сделано это за деньги; если осуждается поведение другого, то не почему иному, как из мести за отказ в деньгах; похвалы и осуждение, сопровождавшиеся практическими последствиями для автора, могли стать известными только путем публичного чтения им своего труда, которое к тому же было в обычае в эпоху позднейшего грамматика, – путем комбинации подобных элементов возникали «известия» о чтениях Геродотовых историй в разных городах, а затем подыскивались, правда большей частью неудачно, учреждения, выслушивавшие чтение, устанавливались

²¹ М. Бюдингер* обращает внимание на то, что в награду Геродот получил ровно такую же сумму, какая употреблена была государством на подкуп спартанцев для предотвращения внешней угрозы. Цейц напоминает, что фильские победители, истратившие на дело освобождения родины от тиранов большую часть своего состояния, получили от государства всего десять мин.

²² Предание имеет в виду Геродот, VIII, 94; любопытно, что в этой самой главе неблагоприятному для коринфян рассказу Геродот противопоставляет общее мнение всей Эллады.

²³ Так составлена большая часть Маркеллинова жизнеописания Фукидида.

самые даты его; именно таково происхождение большинства хронологических сведений даже у таких специалистов хронологии, как Эратосфен и Аполлодор*.

Любопытно разногласие ученых по вопросу о том, что было читано историком в Афинах, так как все согласны относительно неверности показания древних о декламации целого сочинения. В изложении своей гипотезы о порядке составления Геродотовой истории Кирхгоф утверждает, что предметом афинского чтения были первые две с половиной книги (I–III, 119). Но тогда не видно, чем же так восхищены были афиняне в повествовании историка о первых временах персидского царства и о Египте²⁴. Когда древние говорят о необычайном впечатлении, какое история Геродота произвела на афинян, то, разумеется, имеют в виду прежде всего изображение доблестей афинян в борьбе с персами. Вот почему большинство ученых, допуская публичное чтение в Афинах, вынуждено отыскивать другие части истории, более способные оправдать и восторг афинян, и небывало щедрую награду автора. Но дело в том, что поиски эти не имеют для себя в преданиях никакой опоры.

Одним из оснований к преданию о публичных чтениях Геродота, которым пользуются и новые ученые, могли служить выражения Фукидида о предшественниках его по историографии, именно что прежние «прозаики» (λογογράφοι) слагали свои рассказы в заботе не столько об истине, сколько о приятном впечатлении для слуха, что его произведение не есть предмет состязания для временных слушателей, но достояние навеки (κτήμα ἐς αἰῆ). Что Фукидид в данном случае не мог разумеать публичного чтения исторических сочинений, ясно из того, что под «прозаиками» разумеются у него, кроме Геродота, так называемые логографы, генеалогии и географии которых менее всего могли быть пригодны для всенародного чтения на празднествах. Потом, второе выражение афинского историка относится, вероятнее всего, к софистам, а не историкам. Действительно, Псевдо – Плутарх изображает «отца истории» в виде софиста, ходящего по городам для собирания денег чтениями своей истории; надо полагать, что именно такое представление и послужило главным источником позднейших рассказов о чтениях вообще. Наконец, мы не знаем, почему так, но до сих пор критика оставляет без внимания, что греческий глагол ἀκούω имеет значение не только «слушать», но и *читать*. Так у Платона (Федр, 268) есть выражение ἐκ βιβλίου ἀκούω «я вычитал из книги». У самого Фукидида слово ἀκοή имеет значение предания, известия, без отношения к тому, устное ли оно или записанное. У Полибия, у позднейших ораторов и других писателей οἱ ἀκούω употребляется обыкновенно в смысле *читателей*. Другим основанием к тому же представлению было недоразумение, будто Геродот сразу, у своих же современников стяжал себе славу великого писателя, возбуждавшего своей историей восторги в одних и негодование в других, недоразумение, возникшее, естественно, в пору прилежных занятий писателями V века; достойнейшим представителем этих занятий был современник Августа* Дионисий Галикарнасский. Таким образом самое большее, что можно признать относительно Геродота и более ранних историков, – это чтение отрывков в ограниченном кругу близких людей.

Итак, если не с полным отрицанием, то во всяком случае с большим сомнением обязаны мы относиться к этим «известиям» о чтениях Геродотом своей истории. Тем менее позволительно обосновывать на них какие-либо соображения и выводы касательно судьбы сочинения, хронологического порядка составления частей его и т. п. Еще менее понятно, каким образом Бауэр, относясь с чрезмерным скептицизмом к биографическим показаниям Свида, находит, однако, возможным признать достоверность известий о чтениях в Коринфе и Фивах: в текстах Диона и Плутарха, приведенных нами в примечаниях, нет и речи о чтениях Геродота.

²⁴ Виламовиц, разделяя гипотезу Кирхгофа, находит достаточное основание для восхищения афинян в речах персидских вельмож, будто бы составленных Геродотом с целью прославления народоправства (III, 80 сл.). Но, во-первых, восхвалению демократии противопоставляется тут же и осуждение ее, а также похвалы другим формам правления; во-вторых, не Геродот сочинил содержание речей, оно известно было до него; в-третьих, сам автор дает ясно понять, что подлинность речи сторонника демократии, Отана, подверглась сомнению в публике. Ср. Геродот, VI, 45.

Мы подольше остановились на этом эпизоде Геродотовой биографии не только с целью изъять из обращения явно ложные или весьма сомнительные измышления позднейшей древности, но еще больше для предостережения читателя от построенных на них ходячих суждений о судьбе писателя и его сочинения, а равно для характеристики той литературы вообще, которой принадлежит большинство жизнеописаний классических писателей.

Признание заслуг Геродота как писателя и историка наступило сравнительно весьма поздно, едва ли много раньше Дионисия Галикарнасского и Цицерона, древнейших известных нам писателей, которые отводят «отцу истории» первенствующее место в эллинской историографии²⁵. Раньше этого имя Геродота встречается впервые у Аристотеля, который, пользуясь его сочинением как примером исторического изложения, в отличие от поэтического, называет его, однако, рассказчиком басен (μυθολογος), неоднократно уличает в ошибках по естественной истории; то же определение в несколько иной форме повторяет ученый ритор IV века по Р. Х. Фемистий*. По всей видимости, Аристотель повторяет установившееся задолго до него мнение, ибо уже Фукидид многократно исправляет показания предшественника, хотя и не называет его по имени; в предисловии же к истории Пелопоннесской войны он зачисляет Геродота в ряды прозаиков, мало заботившихся об истине. Трудно не признать насмешливых намеков на некоторые места Геродота в комедиях Аристофана. Ближайший преемник Геродота, Ктесий, современник и лейб – медик Артаксеркса Мнемона, называл его пренебрежительно «сочинителем» (λογοποιος), уличал во лжи и исправлял многочисленные ошибки в его повествованиях о Кире, Камбисе, Дарии и Ксерксе. По словам Иосифа, все изобличали лживость Геродота, а Манефон* отмечал множество ошибок в его рассказе о Египте. В позднейшей древности слышится тот же голос осуждения. Цицерон, называющий Геродота «отцом истории», считает его не более правдивым, как и Энний*, а сочинение его преисполненным басен. Диодор Сицилийский находит нужным обойти молчанием выдумки и басни Геродота о Египте, умышленно занесенные в повествование. Страбону, писателю I века до и по Р. Х., Гомер, Гесиод и другие древние поэты казались более заслуживающими веры, чем Геродот и прочие древние историки. Мало того: существовало убеждение, что многими известиями «отец истории» обязан литературным пособиям, которые он умышленно скрыл; так, заимствованными у Гекатея почитались рассказы его о фениксе, гиппопотаме и об охоте на крокодилов.

Если, с одной стороны, приведенные нами суждения свидетельствуют, что с самого начала и до поздних времен образованные люди Эллады и Рима относились к содержанию Геродотовых повествований скептически и что, следовательно, прошло довольно времени, прежде чем историк вошел в ту славу, о какой говорит Лукиан, то они же не оставляют сомнения в том, что труд Геродота скоро получил известность; только это последнее обстоятельство и обязывало критиков предостерегать читающую публику от излишнего доверия к популярному писателю. Уже Аристотель в своей «Поэтике» упоминает сочинение Геродота как образец исторического изложения. Есть основание думать, что ученики и последователи стагирского философа продолжали традиции учителя и положили начало изучению Геродота в разных направлениях; по крайней мере Свиды упоминает, что Дурис*, ученик Феофраста, называл Геродота фурийцем так же, как Паниасиса самосцем. Помимо этого собственно литературные достоинства Геродота ценились высоко, как можно судить по сочинениям Дионисия Галикарнасского, в которых Геродоту отдается предпочтение перед Фукидидом, а также Цицерона, Лукиана, Квинтилиана*. Наконец, в императорском же периоде составлен канон великих историков, в котором Геродот занимает второе место²⁶.

²⁵ «Геродот поднял историю на высшую и достойнейшую ступень, ибо решился начертать деяния не одного города и не одного народа, но соединил в своем изложении многочисленные разнообразные повествования европейские и азиатские» (Дионисий Галикарнасский).

²⁶ Не александрийскому периоду, как выражается Бауэр, но императорскому принадлежит большинство имен авторов, занимавшихся языком Геродота: Филемон, Александр из Котиея, Салюстий, Герон, Аполлоний. Весьма вероятно, что самое

Все предшествующее противоречит уверению последнего биографа Геродота, Бауэра, будто интерес к нашему историку возникает не раньше поры александрийской учености; напротив, частое и многообразное упоминание Геродота Аристотелем, скептическое отношение к нему Аристофана и Фукидида свидетельствуют о значительной распространенности Геродотовых историй среди современников и ближайших поколений. Поэтому и память о личной судьбе историка не могла изгладиться у потомства в такой мере, как то желает доказать Бауэр, почти целиком отвергающий биографические сведения о Геродоте, содержащиеся в статьях Свида под именами Геродот и Паниасис²⁷. Скептицизм Бауэра простирается до того, что самому Аристотелю он готов приписать мнение о происхождении нашего писателя из Фурий, и потому только, что в «Риторике» приведено начало истории его в таком виде: «Геродота фурийца нижеследующее изложение изысканий» (Ηρόδοτου Φουρύου ἡδ ἱστορίης ἀποδῆξις). Но ведь Фурии основаны были не раньше ол. 83, 3 = 446/5 года до Р. Х.; следовательно, по Бауэру выходит, что Аристотель или не знал даты восстановления Сибариса, или грубо погрешал в определении времени жизни Геродота, считая его гораздо моложе Фукидида. Дело объясняется просто: Фурии стали вторым отечеством для Геродота благодаря долговременному пребыванию его в этом городе, отсюда название историка фурийцем, попавшее и в тот список, которым пользовался Аристотель, по следам Аристотеля шел историк III века Дурис. Таким образом нет нужды в неправдоподобном заключении Бауэра, будто галикарнасское происхождение Геродота восстановлено было только александрийскими грамматиками. Разумеется, биографу следовало бы указать и те новые источники, из которых почерпнуто было это сведение. Мы не имеем основания сомневаться в показаниях свидетелей Свида, раз они не опровергаются другими свидетельствами и не носят на себе явных следов сочинительства ради объяснения особенностей или каких-либо мест Геродотовой истории.

«Геродот, – говорит Свид, – сын Ликса и Дрио, галикарнассец знатного происхождения, имел брата Феодора, переселился на Самос через Лигдамида, третьего от Артемисии тирана Галикарнасса. Ибо Писинделид был сын Артемисии, а Лигдамид сын Писинделида. На Самосе Геродот научился ионийскому наречию и написал историю в девяти книгах, начав от перса Кира и царя лидийцев Кандавла. По возвращении в Галикарнас и изгнании тирана он увидел зависть к себе граждан и добровольно отправился в Фурий, там умер и погребен на площади. Некоторые утверждают, что Геродот умер в Пелле. Повествования его называются «Музами»». Сведения эти пополняются из Свида же под именами Паниасис и Гелланик, откуда мы узнаем, что в близком родстве с нашим историком был эпический поэт Паниасис, двоюродный брат его или дядя по матери, погибший в борьбе с тираном Лигдамидом, что историк наш жил некоторое время при дворе македонского царя Аминты; этот последний анахронизм обратился впоследствии в известие о смерти историка в Пелле. Как мало осведомлены были относительно Геродота свидетели византийского компилятора, как мало сам он озабочен был выбором достоверных сведений, показывает прежде всего «известие» о том, будто бы историк задолго до переселения в Фурии, т. е. до 443 года до Р. Х., составил свою историю в девяти книгах на Самосе, что здесь он научился ионийскому наречию, которым написано его сочинение. Учиться на стороне ионийскому языку Геродоту не было нужды. Массу населения в Галикарнассе составляли в то время и раньше ионяне; найденные Ньютоном галикарнасские надписи, относящиеся к 450 годам до Р. Х., написаны на ионийском наречии, очевидно господствовавшем тогда в Галикарнассе. Частое упоминание Самоса Геродотом, внимание историка к его достопримечательностям и роли в судьбах эллинов, а главное, ионийское наречие сочинения в связи с дорийским характером Галикарнасса в позднейшее время привели к измышлению «известия» о долговременном пребывании историка на ионийском острове.

отсутствие схолий к Геродоту находится в связи с недостатком внимания александрийцев к нашему историку.

²⁷ Вероятно по недосмотру Бауэр не отмечает весьма важного упоминания о Геродоте в «Поэтике» Аристотеля.

Что труд не мог быть закончен на Самосе и не был разделен автором на девять книг, относительно этого не существует разногласия. Равным образом невероятно передаваемое Свидай известие, что Геродот жил у Аминты, поведшее к заключению, что «отец истории» и умер в Пелле. Достаточно было найти в сочинении Геродота благоприятные для царей Македонии выражения, чтобы тотчас отыскалось и объяснение или оправдание их, превратившееся затем в известие о личных отношениях между автором и македонским двором, хотя оно находится в явном противоречии с македонской хронологией²⁸. Далее, участие Геродота в междоусобицах Галикарнасса само по себе не невероятно, хотя противоречит ему отсутствие в истории даже отдаленнейших намеков на активную политическую роль автора в родном городе, при этом сопровождавшуюся будто бы тяжелыми личными бедствиями; известие об этом участии у Свида облечено в такую форму, что способно скорее возбудить недоверие к самому факту. По словам византийского компилятора, Геродот изгнан был из Галикарнасса Лигдамидом, жил долго на Самосе, научился там языку и написал все сочинение, потом возвратился на родину и участвовал в борьбе против тирана. На все это требовалось, конечно, немало времени. Что же нам известно из источников, более заслуживающих веры? Свида называет Лигдамида третьим от Артемисии тираном Галикарнасса, сыном Писинделида, внуком знаменитой воительницы. От Геродота мы узнаем (VII, 99), что в 480 году Писинделид был еще так юн, что нуждался в опеке, и что поэтому регентшей была мать его. Из лапидарного источника известно, что в 454 году Галикарнасс был свободным городом: как таковой он поименовывается в списке обложенных данью афинских союзников. Следовательно, и регентство Артемисии, и правление Писинделида, и долговременная тирания Лигдамида должны быть втиснуты в промежуток времени по наибольшей мере в 25 лет! Вот почему усилия Кирхгофа открыть в ньютоновских надписях подтверждение Свида и приурочить их к той самой распре, жертвами которой лексикограф называет Геродота и Паниасиса, не могли увенчаться успехом. По тому же самому сначала Шелль, а потом Рюль и Штейн прибегают к догадке, что Лигдамид был не сыном, но братом Писинделида²⁹. Гораздо естественнее допустить, что досужая фантазия плохо осведомленных грамматиков – компиляторов, имея перед собой смутное предание о политической роли историка, опираясь на явное нерасположение его к тирании вообще и на родство историка с Паниасисом, павшим жертвой Лигдамида, неудачно попыталась восстановить один из эпизодов в жизни Геродота и возможно теснее связать его с судьбой города³⁰. Но и у свидетеля Свида не достало изобретательности для объяснения причины, по которой историк вынужден был покинуть родину вторично, ту самую родину, за которую он пострадал и которая ему же обязана была освобождением от тирании, – и вот Свида передает, что Геродот удалился из Галикарнасса в Фурии, потому что увидел зависть к нему со стороны граждан (εἶδεν ἐαυτὸν φθονοῦμενον ὑπὸ τῶν πολιτῶν).

При всем том мы не вправе отвергать целиком биографические известия Свида о Геродоте, как поступает Бауэр. В возражение новейшему биографу можно указать на галикарнасское происхождение историка, известное и Свида, имя отца, подтверждаемое галикарнасской же надписью; должно быть, верно и имя брата его, Феодора. Весьма недостаточно основание, по которому Бауэр заподозривает подлинность известия о родстве нашего историка с Паниасисом. Он исходит из того положения, неверность которого показана выше, будто происхождение

²⁸ О Македонии см. у Геродота особенно V, 22; VIII, 137. Бауэру нетрудно было показать шаткость уверений Вилламовица, будто в известии о Пелле как месте смерти Геродота именем нашего историка заменено имя Фукидида.

²⁹ Рюль убедительно доказывает, что лапидарный памятник содержит не договор между политическими партиями, как то казалось Кирхгофу, но изданный в правлении Лигдамида закон, связь которого с политическим переворотом совершенно неуловима.

³⁰ Оценка «биографии» Геродота должна производиться не иначе, как при помощи сравнения этой компиляции с другими аналогичными. До сих пор в филологической литературе нет труда, посвященного общей характеристике подобных произведений римской и византийской эпохи.

Геродота из Галикарнасса установлено впервые все теми же александрийскими грамматиками, будто раньше этого господствовало убеждение в происхождении его из Фурий, и будто родственная связь Геродота с галикарнасцем Паниасисом есть лишь измышление позднейшего времени. Но раз основание критики неверно, теряет силу и его отрицательное заключение. Напротив, само сочинение Геродота представляет доказательства близкой связи между двумя писателями, а именно: обширное знакомство автора с древнеэллинской поэзией, преимущественно эпической, а также многообразная зависимость его в форме изложения от гомеровского эпоса³¹.

Во всяком случае, компиляция Свида дает несколько больше того, что мы узнали из фантастической повести Лукиана.

Не более надежны источники наших сведений о времени жизни и о месте смерти историка. Компилятор – писательница конца времен Нерона, Памфила*, передает заключение свидетеля, что в начале Пелопоннесской войны Геродоту было 53 года, чем рождение его относится к 484 году до Р. Х. Подлинный смысл и происхождение этой и подобных дат выяснено в упомянутом исследовании Дильса* об Аполлодоровой хронологии. Хронологические данные, хотя бы в форме положительнейших известий, добывались Эратосфеном и популяризатором его Аполлодором путем комбинаций за отсутствием источников. В жизни поэта, философа или историка хронолог старался приурочить к определенному году какое-либо выдающееся событие, участие в котором предполагало «цветущий возраст» (αἰκμηῦ) писателя, приблизительно сорокалетний. Таким событием в жизни Геродота было участие в фурийской колонии, основанной в 444/3 году до Р. Х.; отсчитывая 40 лет назад, хронолог получал эпоху рождения историка, 484/3 год, откуда и выведено число лет Геродота в начале Пелопоннесской войны у Памфилы. К тому же «цветущему возрасту» сводятся менее определенные показания Дионисия Галикарнасского, Диодора и Евсевия. Первый из них замечает, что «Геродот Галикарнасец родился немного раньше персидских войн», т. е. войн с Ксерксом. По словам второго, Геродот родился во времена Ксеркса; по свидетельству третьего, известность Геродота началась в ол. 78, 1 = 468 год, т. е. в шестнадцатилетнем возрасте. Вычисления эти, кажется, могут объяснить и Евсевиеву дату чтения Геродотом своих историй: первая попытка основания Фурий из Афин сделана была по настоянию Перикла и Лампона* в ол. 83, 3 = 446/5 году до Р. Х. В следующем году внутренние распри в новом городе, названном Фуриями, или Фурием, по имени историка, заставили поселенцев покинуть колонию; вскоре после этого (444/3 г. до Р. Х.) колонисты из всех частей Эллады снова отправились для занятия нового города. К этому же самому времени, как мы видели, относится и публичное чтение в Афинах, благодаря которому Геродот получил значительную сумму на дорогу и на новоселье. Точное совпадение годов основания Фурий и Геродотова чтения вскрывает источник хронологической даты Евсевия.

Из сочинения Геродота мы узнаем, что он беседовал с очевидцем Ксерксова похода, орхоненцем Ферсандром, вероятно, во время путешествия по Беотии (IX, 16); само собой разумеется, что автор встречался и со старыми марафонскими бойцами. Сами войны с персами описываются историком по воспоминаниям; путешествие по Египту совершено автором после 449 года. Все это вместе с переселением автора в Фурии после 446–443 годов приурочивает рождение Геродота к 490–480 годам до Р. Х.

Если считать сочинение Геродота неоконченным, что могло случиться, скорее всего, по причине смерти, то год кончины историка может быть определен довольно точно. В сочинении имеются ясные указания на то, что историк пережил первые годы Пелопоннесской войны. Так, он упоминает об изгнании эгинцев с острова, у Фукидида рассказанном под 431 годом³². К началу апреля того же года относится нападение фиванцев на Платею при пособничестве Еври-

³¹ Мьюр дает список выражений Геродота, аналогичных с гомеровскими.

³² Геродот, VI, 91; Фукидид, II, 27.

маха, рассказанное подробно Фукидидом и упоминаемое мимоходом Геродотом с поименованием того же Евримаха и отца его Леонтиада³³. В следующем году совершена в Афинах казнь спартанских послов, по поводу которой Геродот высказывает свои сомнения в справедливости наказания потомков за вину предков³⁴. В IX книге (73) историк упоминает о разорении Аттики пелопоннесцами, хотя не знает еще об оккупации Декелеи, последовавшей в 413 году. В VI книге (98) Геродот рассказывает, что «за время трех следовавших одно за другим поколений Дария, Ксеркса и Артаксеркса Эллада частью от варваров, частью от собственных вождей, воевавших между собою за гегемонию, претерпела больше бед, нежели за двадцать других поколений». Так как Артаксеркс умер в 425 году до Р. Х.³⁵, а три царствования упоминаются рядом как закончившиеся, то необходимо заключить, что 425 год пережит историком. Никаких указаний на события позднейшие в сочинении Геродота нет; по всей вероятности, скоро после этого он и умер. С другой стороны, судя по краткости упоминания Дария I без добавки эпитета «сына Гистаспа», которая отличала бы его от Дария Нота* (424–405 до Р. Х), с большой вероятностью можно заключить, что по вступлении этого Дария на царство историк не имел уже достаточно времени для соответствующего изменения (I, 130). Более точное обозначение царя было тем необходимее, что и при Дарии Ноте повторилось восстание мидян против персов. Если к сказанному прибавить, что в Аристофановой комедии «Ахарняне», поставленной в 425 году, есть намеки на рассказ Геродота о первоначальном источнике эллиноперсидской борьбы (14), следовательно, сочинение историка было в то время уже в обращении в публике, то 425/4 год может считаться годом смерти «отца истории»³⁶.

Где умер и погребен историк? Эпитафия у Стефана Византийского*, сочиненная в то время, когда на место недостающих точных известий о судьбе писателя измышлялись всевозможные комбинации, не может иметь для нас никакого авторитета. Она же послужила источником для Свида, местом смерти и погребения Геродота называющего Фурии. Кенотаф* с именем историка был вполне достаточен для образования такой традиции; подобного происхождения и другое предание, о смерти историка в Пелле. Но с другой стороны, в Марцеллиновом жизнеописании гробница историка помещается в Афинах в фамильном склепе Кимона рядом с гробницей Фукидида. Но и это «известие», невероятное в рукописной редакции, есть скорее всего плод усилий соединить двух знаменитых историков и за гробом.

До конца шестидесятых годов преобладало мнение, что историк умер и погребен в Фуриях, где, по свидетельству Плиния, он и написал свое сочинение. В 1868 и 1871 годах появились мемуары А. Кирхгофа, вышедшие потом под общим названием «Über die Abfassungszeit des herodotischen Geschichtswerkes», в которых со свойственным автору остроумием проводится, между прочим, та мысль, что вторая часть Геродотовой истории, начиная с половины V книги и до конца, могла быть написана только в Афинах, что, следовательно, Геродот приезжал сюда с нового местожительства, что сочинение Геродота осталось неоконченным, причиной чего была, должно быть, преждевременная смерть автора; отсюда делается заключение, что Геродот умер в Афинах. Заключение это разделяется Виламовицем, Бауэром, Гахецом.

Однако помимо сомнительности всей гипотезы Кирхгофа, о которой мы скажем ниже, догадка его о смерти историка в Афинах не вытекает неизбежно из положений самой гипотезы. Сделанные в Афинах, по мнению критика, заметки могли быть внесены в историю и по воз-

³³ Геродот, VII, 233; Фукидид, II, 2 сл.

³⁴ Геродот, VII, 137; Фукидид, II, 67.

³⁵ Фукидид, IV, 50.

³⁶ Конечным пределом жизни Геродота Кирхгоф называет 428 год до Р. Х. Намекам в комедиях на некоторые места сочинений Геродота и Фукидида можно придавать лишь относительную цену, так как историки записывали и то, что было известно раньше другим современникам, следовательно могли быть не единственными и не первоначальными источниками для пародий в комедиях.

вращении автора в Фурии, где, как полагает Кирхгоф, написаны им вторая половина третьей книги, вся четвертая и начало пятой. К тому же ни одно из цитируемых берлинским академиком мест истории не такого свойства, чтобы для написания их требовалось личное посещение Афин автором, его вторичное долговременное там пребывание. Следовательно, если показание Свида и Стефана Византийского о Фуриях как о месте смерти и погребения историка не может быть решающим, если свидетельство Марцеллина* о Геродотовой гробнице в Афинах справедливо устраняется критикой, то, с другой стороны, не могут почитаться убедительными и те соображения, какие пытается извлечь критика из Геродотова сочинения в пользу Афин; за Фурии мы имеем по крайней мере голос предания, которому не противоречат ни сочинение автора, ни наши сведения о нем.

Немало говорят еще о существовании личных дружеских отношений между нашим историком и трагиком Софоклом, достаточным свидетельством чего выставляется сохранный Плутархом отрывок элегии, написанной Софоклом на 55 году жизни для Геродота. Мало того, что год рождения трагика в точности не известен и что поэтому нет возможности хотя бы приблизительно приурочить эту элегию к какому-либо возрасту историка и событию в жизни последнего, Плутарх не дает нам никакого права относить стихотворение Софокла к нашему Геродоту, даже больше: изложение Плутарха едва ли оставляет сомнение, что элегия обращена была поэтом к какому-то одноименному с историком красивому юноше, а нашему Геродоту в 440 году было ни в каком случае не меньше 40 лет от роду. Тем не менее между историком и поэтом существовало общение понятий в области религии и морали, равно как между Геродотом и Эсхилом, и некоторые части Геродотовой истории были известны Софоклу, о чем свидетельствует близкое сходство в выражениях историка и поэта об одних и тех же предметах.

О важнейшем обстоятельстве его жизни, о путешествиях по Элладе и разным иным странам, мы узнаем только из самого сочинения: древние свидетели молчат о них. Но и в этом отношении труд автора не дает ясных и точных указаний как на сами места, посещенные им, так равно и на хронологический порядок путешествий. Дело в том, что историк не озаботился в своем изложении различием виденного им самим или слышанного на месте из уст туземцев от позаимствованного из вторых и третьих рук. Такие выражения, как «до моего времени», «до меня», «говорят сами туземцы» и т. п., не служат еще ручательством за личное посещение автором описываемых местностей; еще менее ручается за это положительный тон рассказов, ведомых автором от своего лица без поименования источников. Многие известия, в такой форме передаваемые историком, оказались при ближайшем ознакомлении с предметом неверными, смутными или даже баснями, полученными автором от легковверных и плохо осведомленных свидетелей. Но об этом мы скажем в другом месте, когда постараемся установить степень достоверности «отца истории».

Что касается времени путешествий, то оно может быть определено, и то лишь приблизительно, только для Египта. Страна эта посещена Геродотом в то время, когда персидское владычество над ней было полным и бесспорным, а на папремисском поле сражения, где вождь восставших ливийцев Инар разбил военачальника персов Ахемена, Геродот видел кучу черепов персидских и египетских и мог сравнивать их по твердости. Восстание длилось около шести лет от 460 до 455 года; в болотах Дельты восставший Амиртей держался, впрочем, до 449 года, поддерживаемый афинским флотом. Лишь после того, как сокрушен был этот последний оплот инсurreкции*, страна успокоилась и была безопасна для путешественника – эллина. Поэтому, вероятнее всего, путешествие Геродота по Египту совершено было после 455–го, если не 449 года³⁷. Судя по тому порядку, в каком следует описание страны, путь Геродота шел от севера к югу вверх по Нилу и окончился, как говорит сам автор, у Элефантины³⁸. Из его же слов можно

³⁷ См. II, 24. 30. 98–99. 149; III, 12.

³⁸ По мнению Гахеца, Геродот дважды посетил Египет. Выходит так, что часть сведений о Мемфисе, Фивах и пр. автор

вывести, что побережья Аравии и Сиро – Финикии посещены на пути из Египта в Тир, куда автор отправился для проверки египетских известий о Геракловом культе, в Аравию для удостоверения в правдивости рассказов о крылатых змеях; храм Геракла он видел и на Фасосе³⁹. Дальше Кирены на западе от Египта Геродот едва ли проходил; здесь он получил сведения о Ливии и ее обитателях. Ранее египетского совершены путешествия по Верхней Азии, где он доходил до Суз и Ардерикки в Киссии, посетил Вавилон и различные места древней Ассирии, может быть видел и развалины Ниневии. В каком направлении и порядке путешествовал Геродот в Азии, трудно решить: царская большая дорога от Эфеса до Суз известна ему мало; но об Ассирии у автора был собран материал для отдельного повествования. Побережье Малой Азии с прилегающими к нему на материке странами также хорошо известно историку, но северо – восточная часть полуострова осталась за пределами его путешествий. Раньше Египта посетил историк западные и северные берега Черного моря, Фракию, Македонию. О скифах он слышал кое-что от Тимна, доверенного лица у царя Ариапифа – преемника Иданфирса, отца Скила. Царствование Ариапифа продолжалось не далее 460 года, так как Иданфирс царствовал еще около 575 года (IV, 120 сл.), а Скил погиб незадолго до Пелопоннесской войны⁴⁰. Во Фракии Геродот был до объединения ее под властью царя одрисов Ситалка, который вступил на царство не раньше 460 года⁴¹. В Македонии историк был в царствование Александра, умершего в 454 году⁴². Нет достаточного основания относить путешествие историка по южному побережью Понта и в Колхиду ко времени, предшествовавшему посещению Египта. Во II книге (104) Геродот выражается так: «Колхи – очевидно египтяне; сам я пришел к такому заключению прежде еще, чем услышал это от других. Так как это занимало меня, то я расспрашивал и колхов и египтян, причем первые лучше помнили последних, нежели наоборот». В Колхиде же он получил верные, первые по времени сведения о природе Каспийского моря, окруженного со всех сторон землей, а не сливающегося с Северным океаном⁴³. Упоминаемые в истории различные местности собственно Эллады, Южной Италии, острова Эгейского моря не позволяют сомневаться, что все это Геродот обошел сам, записывая частью то, что видел, большей же частью то, что передавали ему туземцы. Эти-то путешествия, охватывающие тысяч двадцать верст, если не более, предпринятые, отчасти, по крайней мере, только из любознательности⁴⁴, отводящие автору первое место среди древнеэллинических путешественников, поддерживали и усиливали в нем дух критика, внушали терпимость к иноземцам и иноплеменникам, не исключая персов, и дали ему возможность обнять в своей «Истории» почти весь известный тогда мир с одинаковым вниманием к интересному и поучительному, где бы оно ни попадалось. «Он странствовал дальше, чем Улисс, и имел перед собою более обширную цель, нежели Гомер».

В более или менее тесную связь с путешествиями ставятся в литературе вопросы о месте и времени составления отдельных частей истории и окончательной редакции целого. И в этом отношении позднейшая древность не дает нам руководящих указаний: она довольствовалась слишком поверхностными и поспешными заключениями, не проверяя их внимательным изучением текста. Так, мы уже знаем, что Плиний приурочивал всю литературную деятельность Геродота к Фуриям, именно к 444 году до Р. Х. – год основания самой колонии и предполагаемого в то же время переселения туда Геродота. По мнению Лукиана историк с готовым трудом явился на Олимпийское празднество из родного города, чем составление истории отодвигается

сообщает со слов других, а другую часть – по личным наблюдениям, сделанным во второе путешествие.

³⁹ См. II, 44, 75; III, 78, 107–110.

⁴⁰ См. IV, 76, 80.

⁴¹ Фукидид, IV, 101.

⁴² См. V, 17–22; VII, 173; VIII, 137 сл; IX, 44.

⁴³ I, 202 сл.

⁴⁴ II, 3, 44, 75.

назад лет на десять: в 454 году Галикарнасс был уже свободен от тирании. Свидетель Свида, по словам которого Геродот написал свое сочинение на Самосе, потом возвратился в Галикарнасс и вскоре вынужден был снова покинуть родину, не расходясь, в сущности, с Лукианом. Но всем подобным заключениям противоречит прежде всего само сочинение Геродота, в котором есть ясные намеки на события после 430 года; потом они предполагают исполнение всех путешествий из Галикарнасса или Самоса и завершение их до прибытия в Афины. Неизмеримо большей старательностью, глубокомыслием и знанием Геродотова сочинения отличаются новые попытки решить данный вопрос.

Издавна в филологической литературе существуют две гипотезы. По одной из них, Геродот еще до завершения своих путешествий приступил к труду с определенным общим планом, по которому и расположил собранный раньше и собиравшийся потом материал. Со смертью автора работа осталась неоконченной, в некоторых частях неотделанной, признаком чего служат повторения и противоречия в середине сочинения, отсутствие подобающего заключения в конце и позднейшие добавления. Местом окончательной обработки материала были Фурии или Афины.

По другой гипотезе, историк наш первоначально вовсе не думал о составлении истории в том виде и по тому плану, как мы имеем его теперь. Напротив, различные части труда написаны им в разное время, независимо одна от другой, и некоторое время представляли самостоятельные повествования, *λογοι*, которые лишь в последнюю пору жизни автор задумал связать в одно целое и расположить их в порядке соответственно принятому теперь плану, а не хронологической последовательности первоначального составления их. Повторения и противоречия в дошедшей до нас редакции служат основанием этой гипотезы и вместе указанием на то, что последняя редакция сочинения не доведена была до конца. Чтения автором отдельных частей до завершения целого допускаются представителями обеих теорий.

Обе гипотезы в недавнее время нашли себе видных представителей в лице берлинского академика Кирхгофа и венского ученого Бауэра, которые вызвали на свет довольно значительную литературу.

Отправляясь от общих положений Дальмана, Кирхгоф попытался определить с возможной в подобных случаях точностью время и место написания различных частей истории. Исходным пунктом его служит наблюдение, что обещание автора рассказать подробнее некоторые события ассирийской истории (I, 106. 184) осталось невыполненным, хотя удобный для этого случай представлялся при описании восстания вавилонян (III, 150). Потом, упомянув кратко о восстании мидян против Дария (I, 130), историк не возвращается более к этому акту в той части истории, которая занята первыми годами царствования Дария (III, 88 сл.). Признавая последовательность и определенный план в работе, критик не находит иного объяснения этих пробелов, как забывчивость автора, которая в свою очередь вызвана была долговременным перерывом в деятельности автора, а перерыв должен был наступить между 88 и 150 главами III книги. Здесь помогают Кирхгофу предания о Геродотовых чтениях в Афинах между 445/4 годами, о выселении в Фурии, а равно несколько стихов Софокловой «Антигоны», поставленной на сцене в 440 году. Дело в том, что героиня Софокла высказывает ту же своеобразную мысль, что и жена Интафрена у Геродота (III, 114), именно, что терять брата тяжелее, чем мужа и детей, сходство это могло быть только последствием заимствования трагиком у историка. Далее, III книга (125) содержит подробный рассказ о судьбе кротонского врача Демокеда, составленный на основании сведений самих кротонцев, следовательно в Южной Италии; рассказ этот входит эпизодически в повесть об Оронте и Поликрате, которая начинается со 120 главы той же III книги. Таким образом, 119 глава III книги является заключением первой части истории, написанной в Афинах до переселения автора на новое местожительство. В Фуриях написаны Геродотом конец III книги, вся четвертая и первая половина V. Вследствие продолжительного перерыва в работе автор забыл о своем обещании, равно как и о том, что не рас-

сказал еще с надлежащими подробностями о восстании мидян. В V книге (77) речь идет о пропилеях на афинском акрополе, оконченных в 432 году при Перикле; следовательно, заключает Кирхгоф, историк был вторично в Афинах после этого термина. Геродот не знает о землетрясении на Делосе, которое приурочивается Фукидидом (II, 8) к весне 431 года, но ему известно изгнание египтян с острова, случившееся в лето 430 года⁴⁵, к каковому времени и относит критик вторичное прибытие Геродота в Афины. Самое позднее событие, на которое намекает Геродот в своей истории, есть, по мнению Кирхгофа, вторжение пелопоннесцев в Аттику в 428 году (IX, 73); вскоре после этого историк умер, не доведя труда своего до конца.

Таково в кратких чертах теоретическое построение Кирхгофа, мастерски, с неуклонной последовательностью возведенное на основе Геродотова текста с привлечением к делу некоторых преданий.

Только громадный научный авторитет Кирхгофа и замечательная методическая последовательность в аргументации могли скрывать некоторое время ее слабые стороны.

Прежде всего критик изменяет своему основному правилу – держаться исключительно текста писателя. На самом деле он ищет опоры в преданиях о чтении Геродотом своей истории и государственной награде историка, верит, будто элегия Софокла обращена была к нашему историку; далее сомнительные стихи «Антигоны» признает подлинными и, во всяком случае, весьма раннего происхождения, тогда как почти несомненная подложность их лишает этот аргумент всякого значения. От одного из подобных доводов критик впоследствии отказался сам. По его уверению, «ассирийские повествования» (Ἀσσυρίοι λόγοι) должны были эпизодически входить в дальнейшее изложение, тогда как гораздо вероятнее, что Геродот собирался написать отдельное сочинение об Ассирии. Замечание Геродота о положении квадриги на пропилеях (V, 77) было бы невозможно, если бы автор имел в виду пропилеи Мнесикла, оконченные при Перикле в 432 году: в Перикловых пропилеях Геродотово положение квадриги невозможно, или же историк говорит об этом только по слухам. Вообще во второй части Геродотова сочинения нет ни одного места, которое вынуждало бы нас приурочивать составление его к Афинам. С другой стороны, мы уже знаем, что знакомство автора с Южной Италией обличается не с III книги (125), а с самого начала первой книги. Мало того: во II книге (177) историк говорит об афинянах «те» (ἐκεῖνοι), следовательно, пишет о них не в Афинах, а сравнение пути от моря до Гелиополя с дорогой, идущей от афинского жертвенника до храма Зевса Олимпийского (II, 7), нисколько не обязывало писателя производить эти вычисления в Афинах. Потом, каким образом допустить, что писатель, работающий по определенному плану, что составляет одно из основных положений Кирхгофа, принимается после перерыва за продолжение работы, не справившись предварительно с тем, что у него написано, и допускает пробелы по забывчивости? Что историк не забыл о Дарии, лучше всего показывает начало IV книги. Далее, первые две с половиной книги Геродотовой истории менее всего способны были привести афинян в восторг и подвигнуть их на необычайно щедрое вознаграждение автора. Наконец, гипотеза Кирхгофа вынуждает нас верить, что текст Геродота с самого начала вышел из рук автора в том виде, в каком мы имеем его теперь, что отдельные выражения, относящиеся к каким-либо современным событиям, не могли быть занесены потом в другом месте, со слов более или менее осведомленного свидетеля.

Ввиду всего сказанного понятно, почему число сторонников Кирхгофа в настоящее время весьма незначительно, а возражения против его построений высказываются с разных сторон и с различных точек зрения.

⁴⁵ Геродот, VI, 91; Фукидид, II, 27. От одного из доводов в пользу своей гипотезы Кирхгоф отказался во втором издании мемуаров, хотя не преминул перепечатать его в текст целиком; довод этот – сходство выражений о весне в речах Перикла и Гелона.

Десять лет спустя после первого появления гипотезы Кирхгофа Ад. Бауэр выступил на защиту и детальнейшее обоснование положений, выставленных раньше Гейзе и Шеллем.

Присутствие в сочинении Геродота некоторых противоречий, повторений, более подробное повествование о предметах и лицах не в первых частях истории, где они лишь кратко упоминаются, но в последующих, прибавка отчества не при первом упоминании лица составляют основу аргументации Бауэра. Сами термины *λογος*, *λογα* имеют у критика значение самостоятельных первоначально повествований, из которых в нынешней редакции выделяются яснее и легче прочих египетские, лидийские, скифские и ливийские истории; дополнением к этим историям служит рассказ о первых временах Персидского царства при Кире, Камбисе и Дарии, а в этот последний вставлены известия о Самосе и его истории. Хронологические определения Кирхгофа Бауэр принимает, считая их, однако, показателями времени не первоначального составления частей, но заключительной редакцией целого труда; первая часть его приведена в теперешний вид в Фуриях, вторая с половины V книги в Афинах. Самосские истории написаны на Самосе, откуда автор отправился в Элладу. Быть может, тогда же, до прибытия в Афины, составлено мидо – персидское повествование и обработан рассказ о походе Ксеркса, читанный в Афинах в 445/4 году; дополнением к нему, написанным, вероятно, около того же времени, была повесть о походе Датиса и Артафрена. Из Афин совершены те путешествия, плодом которых были истории Лидии, ионийского восстания, Афин и Спарты. В Афинах же написана повесть о скифах, чему предшествовало посещение автором Фракии и Скифии.

Между 445 и 432 годами, ближе к первой дате, историк посетил Египет, затем написал в Афинах свои египетские истории и дополнил ливийские. Эта часть сочинения оказывается в наиболее первоначальном виде; выделить остальные не так легко потому ли, что при заключительной редакции автор тщательнее устранил все, что мешало внутренней связи их с целым, или же потому, что с самого начала они обработаны были настолько, что мало нуждались в дальнейшей отделке. Заключительная редакция не везде исполнена равномерно. Автор был связан материалом в такой степени, что нынешнему читателю есть возможность распознать первоначальный вид составных частей. Повествование об Египте больше других проникнуто рационализмом и было, вероятно, причиной удаления Геродота из Афин. Только в Фуриях автор составил общий план труда и здесь же начал приводить его в исполнение, но кончил работу в Афинах, куда отправился после 432 года. «При таком понимании, – заключает автор, – получает свое полное оправдание и объяснение хронологический порядок рассматриваемых Кирхгофом мест и истории».

Основное положение и некоторые частности, например мысль о написании Ксерксова похода раньше других частей, о чтении в разных городах и т. п., усвоены Бауэром от Шелля. Кирхгоф также во многом подготовил труд Бауэра, а потому сказанное выше о гипотезе первого должно быть обращено и против последнего. То, что есть оригинального в аргументации Бауэра, сводится к детальнейшему рассмотрению текста, сближению отдельных выражений, распределению их по месту и времени написания. За отсутствием объективных опорных пунктов субъективным догадкам, требующимся для подтверждения предвзятой теории, нет пределов. Само понятие заключительной редакции весьма растяжимо: под ней разумеется то механическое сопоставление готовых частей, то переработка до неузнаваемости первоначального их вида, начала и конца; все, что указывает на связь и последовательность изложения, относится критиком к позднейшей редакции; все, что не мирится с гипотезой, обходится молчанием или насильственно подгоняется к заранее готовому решению. Например, в начале третьей книги, написанной будто бы раньше второй, содержится немало известий об Египте и ссылки на вторую книгу, как известную уже читателю. Критик объясняет это тем, что, вводя египетское повествование в неизменном виде в общую редакцию, автор в то же самое время переделал соответствующим образом раньше написанное, хотя по содержанию следующее за египетскими историями и при этом сумел сгладить следы разновременного, первоначального

составления частей в обратном порядке. Отмечаемые Бауэром противоречия большей частью только кажущиеся: в I книге (3–4) автор сообщает предание о похищении Елены троянцами, во II (118 сл.) – предание это подвергается критике. Где же здесь противоречие? Противоречие между I (70) и III (47) сам критик не считает решающим; никакого разногласия не существует между I (105) и II (157), вопреки уверению критика; далее перечисляются более или менее важные противоречия, из которых выводится смелое заключение, что VII (200) написано раньше II (180); V (62). Сличая VII (194) и I (137), Бауэр совершенно произвольно заключает, будто в первом случае Дарий действует только по личному капризу и т. д. и т. д. Неточно уверение критика, будто Геродот прибавлял отчество к имени лица всегда при первом упоминании последнего, между тем как тот же способ наименования встречается и на протяжении трех последних книг, написанных, по мнению самого автора, за раз. Слова *λοῦος*, *λοῦα* в сравнительно лишь немногих местах могут иметь то значение, какое нужно для Бауэра, – самостоятельного повествования; обыкновенно они употребляются в смысле народного или иного предания, согласно с чем и *λοῦος* значит «сведущий в преданиях старины».

Сомнительность отдельных доводов Бауэра изобличена была многократно в немецкой и французской литературе; на нашу долю остаются сверх сказанного выше некоторые соображения, выясняющие неизбежность до поры до времени неудачи подобных попыток.

Для оценки особенностей в построении Геродотовой истории в связи с предполагаемым процессом литературной работы историка необходимо принимать во внимание многие обстоятельства, до сих пор выясненные весьма недостаточно: прежде всего общее состояние историографии во время Геродота и зависимость ее от эпической поэзии. «Истории» Геродота представляют первый по времени опыт всеобщей истории, которому в прозе предшествовали историко – топографические разрозненные описания отдельных стран, городов, племен, знаменитых родов и т. п. В труде «отца истории» мы встречаемся впервые с грандиозной попыткой воспользоваться для прозаического изложения замечательных событий и достопримечательностей искусством изложения, задолго до того достигнутым эпическими поэтами. Отсюда стремление к пластичности и драматизму в изображении занимательных положений, выражающееся в обилии прямой речи или, точнее, диалогов, нередко интимнейших по содержанию и произносимых в такой обстановке, которая делала их доступными разве для поэтического воображения; большинство подобных диалогов глубоко проникнуто личным настроением самого историка, которое он переносит на изображаемые им личности и события. В этом отношении Геродотовы диалоги гораздо больше, нежели речи у Фукидида, походят на хоры античных трагиков того времени. Отсюда же множество повторений и заключительных, обобщающих выражений, весьма употребительных в эпической поэзии и совершенно чуждых строгой истории: «так прибыла в Египет Ио», «так рассказывают персы», «таковы рассказы персов и финикиян» и пр. и пр., – выражения эти и подобные встречаются иногда на протяжении нескольких строк, и нельзя отрицать, что они содействовали живости и легкости усвоения в массе читателей. Три раза Геродот упоминает, что каппадокийцы называются у эллинов сирийцами (I, 72; V, 49; VII, 72), три раза определяется длина парасанга в эллинских мерах (II, 6; V, 53; VI, 42), три раза упоминает автор о пожаре, истребившем дельфийский храм (I, 50; III, 80; V, 62); в нескольких местах мы находим повторные замечания о предметах без всяких признаков того, что автор имеет в виду сказанное о них раньше. Подобные случаи, хотя рядом с ними стоят другие, где читатель отсылается самим автором назад или читателю обещаются подробности в дальнейшем изложении, не могут служить указанием на первоначально самостоятельное, вне всякого плана лежащее составление отдельных частей истории; следуя до конца этой гипотезе, пришлось бы раздробить Геродотово повествование и в таких частях, цельность и единство составления которых ни в ком не возбуждают сомнения. Ссылки древнего автора на предыдущее и последующее могут рассматриваться не более как уступки читателю, нуждающемуся в

некоторых внешних средствах для образования полного живого представления о событии или участии интересного лица.

Таким образом, непоследовательность древнего автора в приемах изложения, неизбежная на ранних ступенях прозаической историографии, служит источником недоумения для новых критиков, прилагающих к первым опытам прозы несоответствующие литературные понятия и притязания.

Далее, присутствие противоречий в труде Геродота неоспоримо, хотя и не в той мере, как кажется это сторонникам теории механического сцепления частей. Говорят, автор не успел довести до конца редакционную работу над материалом; но тогда непонятно, каким образом автор, задавшийся согласно этой гипотезе задачей создать органическое целое, не позаботился прежде всего об удалении столь явных на новый взгляд признаков самостоятельности составных повествований. Так, в VI книге (112) по поводу Марафонской битвы историк замечает, что «афиняне первые из эллинов нападали на врага беглым маршем; они же первые могли выдержать вид мидийской одежды и одетых по – мидийски людей; до того времени само имя мидян наводило ужас на эллинов». В противоречии с этим замечанием об афинянах находятся собственные известия автора о других эллинах (I, 165. 169; V, 120; VI, 29). В I книге (72) река Галис отделяет Пафлагонию от земли каппадокийцев, или сирийцев, а во II (104) те же сирийцы живут по эту сторону Галиса на Фермодонте и Парфении и т. д. и т. д. Примеры как непоследовательности, так и противоречия объясняются забывчивостью автора, так как между занесением в материалы противоречивых известий проходило некоторое время, а при редакции всего труда он не успел-де сгладить вкравшиеся противоречия. Но при этом не обращается никакого внимания на то, что непоследовательность и противоречия охватывают у Геродота не известия только о том или ином факте, но и сами воззрения автора, о которых мы говорим ниже; это последнее обстоятельство тем поучительнее, что оно устанавливается лишь в наше время и что критика раньше обходила его молчанием или всячески старалась согласовать между собой противоречивые положения. Несомненно, что последовательность в изложении, строгая гармония частей идет рука об руку лишь с высокой сравнительной степенью критики, далеко не всегда отличающей и произведения новой литературы⁴⁶. Сведения свои Геродот черпал из разнообразнейших источников; в некоторых случаях он отмечает это разнообразие, называет и сами источники, в других излагает полученные сведения прямо от своего лица, что, несомненно, с новейшей точки зрения есть также большая непоследовательность. Гораздо поучительнее, не подгоняя литературных особенностей давно минувшего времени к нашим понятиям, установить их как историческую черту изложения, находящую себе объяснение и оправдание в общем умственном состоянии известного периода. Что составлению Геродотом своих «историй» предшествовало собирание материала и обработка его по частям, что предварительно одни части обработаны были меньше, другие больше, в этом нельзя сомневаться. С другой стороны, все рассматриваемые Геродотом события, где бы и когда ни случались, объединены представлением о суетности и изменчивости всего человеческого, а равно о неизбежности кары за преступление или самоубийство, следовательно, тем представлением, которое по убеждению автора с наибольшей очевидностью оправдывалось на судьбе персов и на исходе исконной вражды их к эллинам и которое за несколько десятков лет нашло себе выражение в трагедии Эсхила «Персы». Не ограничиваясь заключительными моментами борьбы, «отец истории», подобно соплеменникам своим, ионийским философам, решился проникнуть до самого источника событий, которые живо еще сохранялись в памяти всех эллинов и эхо которых оглашало горы и долины, города и деревни не одного эллинского мира. По пути к главному предмету сочинения любознательный и многознающий Геродот закреплял письмом

⁴⁶ См. интересные примеры противоречия у новых писателей в статье профессора Соколова «Гомеровский вопрос» (1868)*.

все чудесное, забавное и поучительное, занятый не столько соблюдением строгой последовательности и согласия в разных частях труда, сколько живостью, всесторонностью описания всего, что останавливало на себе его внимание, в непосредственных его наблюдениях, в рассказах очевидцев, в преданиях потомков. Всюду открывает «отец истории» один и тот же по – своему понимаемый порядок явлений человеческой жизни и тем дает первый образец мировой истории, в которой варвар и эллин, простой смертный и царственный владыка подвержены одинаковым превратностям и в одинаковой мере способны оправдать руководящие воззрения автора.

И в весьма богатой немецкой литературе нелегко найти другой такой труд, как Гахеца «О путешествиях и сочинении Геродота», красноречивейше свидетельствующий о том, какие чрезвычайные и вместе с тем сомнительные средства необходимы для того, чтобы с субъективной лишь вероятностью восстановить хронологический и топографический порядок составления Геродотовой истории. Превращая показания Свида и других прежних писателей в свидетельства, приурочивая отдельные выражения истории, имеющие вид записей на месте, к различным частям Эллады, Азии и Египта, автор пытается восстановить со всей возможной точностью процесс литературной работы «отца истории» с приурочением каждой части к определенному времени и месту. Все то в этих частях, что не согласуется с устанавливаемыми датами, исключается как позднейшая добавка, хотя в то же время читатель не может не видеть, что сами даты опираются в огромном большинстве случаев на весьма шаткие субъективные основания. Труд Геродота есть результат продолжительных литературных занятий, расспросов очевидцев и хранителей преданий, наконец, личных наблюдений во время путешествий. Сами пределы этих последних до сих пор более или менее гадательны потому, во – первых, что в немногих сравнительно случаях мы находим ясные выражения автора о пребывании в том или другом месте; даже и тогда нелегко провести границу между тем, что сообщается историком со слов других, и тем, что он видел и понимал сам. Во – вторых, и это самое главное, «отец истории», подобно своим предшественникам и преемникам, обыкновенно не считает нужным отмечать источники заимствования. Правда, он нередко употребляет выражения «говорят», «утверждают» и т. п., давая тем понять, что передает лишь слышанное или вычитанное, не ручаясь за его достоверность. «Я считаю своим долгом, – говорит он, – передать то, что слышал, но вовсе не обязан верить всему». «Действительно ли это так, я не знаю и пишу, что слышал». «Пусть рассказы египтян принимает тот, по мнению кого они заслуживают веры, а я во всем этом повествовании намерен изложить, что я слышал от кого-либо». Но раз древний историк убежден был в верности сообщаемого, какого бы источника оно ни было, он заносил известия или собственные соображения в свое повествование в положительной форме без добавки каких-либо ограничений. Предшествующая Геродоту прозаическая литература известна нам лишь в незначительных немногих отрывках; насколько она вошла в повествование нашего историка, определить нет возможности. Между тем признаки зависимости его от предшественников есть несомненные. Из прозаиков он называет по имени одного Гекатея, раньше его путешествовавшего по Египту и выпустившего в свет описание страны чудес. О заимствовании из Гекатея неоспоримо свидетельствует тождественное, равно ошибочное Геродотово описание гиппопотама и крокодила, а также известия его о фениксе⁴⁷; о заимствованиях этих знала уже и древность. По словам Гермогена*, Порфирия, Свида, Геродот многим обязан Гекатею, хотя сам автор о заимствовании не говорит ничего. Кадм, Харон, Акусилай, Дионисий из Милета и многие другие раньше Геродота составили те сборники народных преданий, известий о разных странах и народах, из которых черпали, потом Фукидид, Платон, Аристотель, Страбон и другие, черпали между прочим, и множество таких сведений и вариантов, которые отсутствуют в историях Геродота; у этого последнего мы находим ясные намеки на знакомство с литературой,

⁴⁷ II, 70 сл.

хотя обыкновенно намеки эти, как и у Фукидида, полемического свойства⁴⁸; он знает и раньше его составленные географические карты (IV, 36).

После этого читатель сам видит, насколько могут быть надежны заключения новых критиков о времени и месте составления той или другой части Геродотового повествования, построенные на отдельных известиях историка, если мы не знаем в точности, какие известия сообщаются им по непосредственному наблюдению, какие со слов туземцев и какие добыты из письменных источников, если остается неизвестным, однажды ли посещены им некоторые местности или больше. Сочинения Геродота и других древних историков потребуют еще много анализа с различных сторон, прежде чем будет возможно объективное решение такого труднейшего и сложного вопроса, как вопрос о самом процессе литературной работы и последовательных его моментах. При настоящем состоянии знаний мы совершенно согласны с Бахофом, что нет возможности ни установить первоначальный вид вошедших в труд Геродота отдельных рассказов, ни определить тот хронологический порядок, в каком нынешние книги истории написаны в начале.

Степень законченности Геродотовой истории также не поддается пока категорическому определению прежде всего потому, что мы не можем решить, какая форма подобных литературных произведений была для того времени законодательной вообще и какой формой изложения мог вполне удовлетворяться наш автор. Равным образом он оставляет нас без ответа на вопрос о том событии персидских войн, которое по его плану достойным образом завершало повесть об эллино – варварской борьбе. Что касается первого вопроса, то достаточно надежным показателем незаконченности произведения может служить наличие в нем неисполненных обещаний, в особенности относительно Эпимальта (VII, 213); два другие, касающиеся ассирийской истории (I, 106. 184), могли быть рассчитаны на составление особого сочинения об Ассирии (οι Ασσυριοι λογοι). Быть может также, что внимательная окончательная отделка целого устранила бы наиболее явные противоречия и неровности в изложении: эти последние, на наш взгляд, скорее показывают недостаток обработки, а не следы позднейшего восполнения текста автором, как думает о том Штейн; или же мы должны допустить какую-то своеобразную неумелость и неловкость писателя, не сглаживающего первоначальные неровности в тексте, но приумножающего их в дальнейшей отделке труда. Что Геродот намеревался написать всю персидскую войну до битвы на Эвримедонте включительно (465 г.) или даже до победы эллинов над варварами на Кипре (449 г.), об этом ничего не говорит ни сам автор, ни его сочинение. Как видно из предисловия, главной задачей его было выяснить причины войны между эллинами и варварами (I, 1), что достаточно выполнено автором, и в подлежащих пределах. Потом, взятие Сеста и возвращение эллинского флота домой, рассказанные историком в последних главах IX книги, заканчивают собой первый период борьбы с Ксерксовыми полчищами, подтверждением чего может служить соответствующее место в истории Фукидида (I, 89. 97). Но Геродот не на этом пункте кончает свой труд; он присоединяет еще эпизод о деде повешенного Артаикта Артембаре, который советовал Киру переменить свою страну на более богатую и роскошную. Кир не последовал совету, предпочитая свободу в тощей земле рабству в стране тучной (IX, 123). Читатель Геродота вправе ожидать продолжения, где от лица ли самого автора или устами других было бы показано, что, хотя завет Кира был соблюдаем персами и они не переменили старого местожительства, но во многом уклонились от простоты прежней жизни и потому подверглись тяжелым испытаниям. С другой стороны, мы не находим никаких причин, по которым Геродот считал бы для себя излишним продолжать историю войны эллинов с персами, изобиловавшей и в дальнейшем своем ходе занимательными и поучительными случаями. Если прибавить к этому некоторые признаки незаконченности в отделке целого труда, то мы должны будем прийти к заключению, что только какие-нибудь внешние обстоятельства

⁴⁸ II, 20. 123. 134; III, 111; VI, 55.

помешали автору, прожившему до 428–425 годов и, следовательно, пережившему все фазы борьбы, довести свое повествование по крайней мере до 465 года, т. е. до двойной победы эллинов над варварами у Эвримедонта⁴⁹.

⁴⁹ В последнее время вопрос о нынешнем заключении Геродотовой истории снова стал предметом полемики. Кирхгоф разделяет мнение, установившееся со времени Дальмана, что Геродот не успел привести задуманный план в исполнение и труд его остался неоконченным.

IV

Ввиду значительного сходства общих понятий, высказываемых Геродотом, с одной стороны и находящихся себе место в трагедиях Эсхила и Софокла, с другой, некоторые ученые пытаются объяснить это сходство заимствованием историком руководящих мыслей и даже отдельных суждений у того или другого из двух трагиков или подражанием Софокла историку.

Действительно, у Эсхила и Софокла мы замечаем рядом с благоговейным отношением к старине и с безусловным признанием повсеместного господства божества начатки свободного обращения с мифами и героями, попытки рационального объяснения трагических катастроф из столкновения определенных индивидуальных особенностей. У Эсхила и Софокла богам принадлежит верховное наблюдение за существующим порядком во внешней природе и в человеческих обществах; от них исходят все блага и беды как для отдельных лиц, так и для целых народов. Закон возмездия составляет основное правило обращения божества с человеком; закон этот имеет в виду не только самого виновного, но и весь род его. Надменность и высокомерие возводятся трагиками в тяжкий грех против богов, в оскорбление и даже в отрицание божества, в источник всех бед человека; напротив, соблюдение меры (*σωφροσύνη*) – высшая добродетель перед судом божеским. «Ничего через меру» (*μηδέν ἄγαν*) – вот та формула, к которой сводится мораль и Геродота, и Эсхила, и Софокла. Поражение и уничтожение Ксеркса, смертельный поединок Этеокла и Полиника, гибель Эанта, насильственная смерть Агамемнона, Эгиста и Клитемнестры, гибель Креонта и т. д. – только справедливые акты возмездия за преступления самих караемых или их предков, причем сами преступления состоят или в насилии над людьми, или в высокомерном оскорблении богов.

Однако в определенных, богами или судьбой установленных границах, «их же не преидеши», герои обоих трагиков действуют самопроизвольно, по собственным побуждениям, в силу личных особенностей характера и положения. Так, например, Софокл наделил Эдипа такими личными свойствами, поставил его среди таких обстоятельств, что каждый шаг героя и каждый момент драматического действия достаточно мотивируются одними естественными причинами. Случившееся с Эдипом могло случиться и без всякого сверхъестественного вмешательства: оно изображено Софоклом как ряд законосообразных явлений, находящихся между собою во внутренней связи или, по крайней мере, в понятной возможной последовательности. И в то же время оказывается, что Эдип только несет кару за предков, что еще до рождения он был обречен богами на преступление и что Аполлон – настоящий виновник постигшей его катастрофы.

Разумеется, подобные общие воззрения поэтов и частое, многообразное выражение их в трагедиях задерживали обстоятельное глубокое развитие основных мотивов и ослабляли драматическое движение в пьесах, но далеко не исключали ни того ни другого. Аналогичные черты находит читатель и у Геродота.

Однако близость в воззрениях между историком и трагиками несколько еще не свидетельствует о зависимости в этом отношении одного от другого или о заимствовании: как поэты, так и историки только выражали в своих произведениях одно из умонастроений, господствовавших в современном им обществе.

В «Истории» Геродота мы имеем литературный пример того самого умственного движения, которым запечатлены были в том же периоде эллинской истории поэзия, пластическое искусство, красноречие, сами политические учреждения. Везде замечается частью сознательная, частью бессознательная борьба нового со старым, рационализма и критики с традицией и верой в отеческих богов. Свидетельствующие о прогрессе перемены в политических учреждениях, в технике и манере художников и т. п. скорее обличали ряд невольных неизбежных уступок времени, чем последовательное сознательное проведение в жизнь новых начал на месте

старых: новое стояло в них рядом со старым. Относительно политических учреждений достаточно вспомнить, что ареопаг, облеченный неопределенной верховной властью, поставленный вне законов, не раньше потерял свое практическое значение, как при Перикле, что реформы Солона и Клисфена имели в своем основании исконные учреждения Атики, по частям только приспособляемые к неотложным требованиям современности.

Непоследовательность и как бы нерешительность миросозерцания отличают поэтов – драматургов и художников – скульпторов. Положение Геродота в истории эллинской образованности и существеннейшие особенности его труда легче всего уясняются из сопоставления его с представителями эллинской пластики в предшествовавшую Фидию эпоху*.

Плодотворнейшим моментом в судьбах эллинской пластики был введенный во время Писистратидов обычай ставить статуи в честь олимпийских победителей, причем лицо, трижды одержавшее победу, приобретало право на портретное изображение его в той самой позе, в какой одержана была победа, даже вместе с лошадью и колесницей. С этого времени нормально развитое и потому красивое человеческое тело в различных положениях становилось мало – помалу главной целью стремлений художника и верховным его критерием; личное наблюдение и изучение на месте усвоения традиции и подражания более и более становились обязательными для художника. Успехи в этом направлении достигались с большой постепенностью: раньше и смелее обрабатывались в новом свободном стиле предметы, посторонние культу, и образы животных; напротив, образы людей, лики героев и особенно богов уступали гораздо медленнее новым вкусам.

Такая же разновременность наблюдалась и в способах изображения различных частей тела: ноги и торс статуи уклонились от условной сухой манеры гораздо ранее, нежели голова и лицо. Ближайшие предшественники Фидия прославились преимущественно изображением животных, а не людей; так, только возница резца Праксителя (IV в. до Р. Х.) мог сравниться по художественной отделке с четверкой лошадей Каламида. Атлеты Пифагора превосходили его же героев, а герои – богов. Слава Мирона* создана его «Коровой», «Беглецом» и «Метателем диска», но не кумирами богов; и тот же Мирон в обработке волос на головах своих статуй не возвышался над художниками архаического периода.

Если от пластики обратимся к Геродоту, то наиболее общими чертами его труда окажутся следующие: во – первых, преобладающий интерес к историческим временам и к предметам, доступным для точного исследования, не помешавший, однако, историку отвести значительное место басням о мифических личностях и событиях; во – вторых, неодинаковое отношение к мифической старине с ее образами, с одной стороны, к предметам, лицам и событиям близким или современным, с другой; в – третьих, рядом с любознательностью и стремлением к точности, побуждающими его совершать путешествия со специальной целью проверить рассказы других лиц, совмещается в нем безусловное доверие к большинству чудес, к предзнаменованиям и т. п.; наконец, в общих воззрениях историка нет единства и последовательности; мало того, одни воззрения противоречат другим, и не замечается никакой попытки согласовать их между собой.

Геродот не останавливается перед тем, чтобы поставить в одну линию современных ему исторических деятелей с мифическими их предками и с самими богами. Принимая различие между богами, героями и простыми смертными, по степени силы и значения их в судьбах мира⁵⁰, историк считает одинаково действительными все три разряда существ. Так, родословную спартанских царей он возводит к Кадму и Данае. «Эти цари дорийцев, – замечает он, – до Персея, сына Данаи, если только опустить божества, правильно исчисляются эллинами и считаются эллинского происхождения, ибо тогда они уже принадлежали к эллинам... а кто пожелает подняться выше Данаи, дочери Акрисия, к более древним предкам их, тот убедится, что вожди

⁵⁰ II, 43–45. 52. 142–146; III, 122.

дорийцев по своему происхождению были настоящими египтянами»⁵¹. Ту же самую родословную, начиная от матери Еврисфена и Прокла, он ведет до Полиника, Эдипа, Лаия, Лабдака, до Полидора и Кадма; даже найденные им надписи в храме Аполлона Исменского в Фивах он относит ко времени Лаия и Кадма⁵². Похищения Ио, Европы, Медеи, Елены, странствование Кадма в поисках Европы, война эллинов с троянцами из-за Елены, поход аргонавтов, осада Фив, вторжение амазонок в Аттику, покровительство жителей Аттики Гераклидам, поражение и смерть Еврисфея, бедствия Адраста и Амфиарая в связи с фивскими войнами – все это действительные события, только временем отделенные от Геродота и его современников. Герои – эпонимы городов, околотов, рек, племен и другие признаются без всякого колебания за индивидуальные конкретные существа, каковы: Девкалион, Эллин, Дор, Ион с четырьмя сыновьями, эпонимами ионийских колен, Агамемнон, Калхант, Менелай, Орест, Нестор с Писистратом, Талфибий, Тиндарида и Елена, Данай, Линкея, Персей, Амфилох, Декел, Амфитрион, Алкмена, Геракл, Ерехфей, Кекроп, Тесей, Асоп, Фива, Семела, Эгина, Инах, Пенелопа, Ээт, Меланипп, Ясон и т. д. и т. д. Выводя большинство эллинских божеств из Египта, он не затрудняется даже вычислением времени жизни некоторых божеств и героев. Так, от Семелы, матери Диониса, он насчитывает до своего времени 1600 лет, до Геракла – 900, а до Пана, сына Пенелопы, – 800. Но и в этом пункте Геродот доверял больше египетским показаниям, нежели эллинским; согласно с этими показаниями двенадцать египетских божеств, в числе их и Геракл, жили за 17 000 лет до Амасиса (550 до Р. Х.), а Дионис, или Осирис, жил за 15 000 лет до того же времени.

Минос, Менелай, Троянская война упоминаются и ставятся в один ряд с действительным основанием городов как личности и события вполне исторические. Современных себе памфилов он производит от тех самых памфилов, которые на обратном пути из-под Трои рассеялись и вождями которых были Амфилох и Калхант⁵³. Вторжение Тиндаридов в Аттику из-за Елены и тогдашнее поведение Декела и декелейцев передаются как исторические факты, в связи с отношением вторгавшихся впоследствии в Аттику лакедемонян к деревне Декелее⁵⁴. Мифический Мелампод*, умоисступление аргосских женщин и обращение аргивян с просьбой к мифическому очистителю из Пилоса с одной стороны, участие в персидских войнах, гадатель Тисамен и его отношение к лакедемонянам – с другой, ничем не отличаются в изложении Геродота: Мелампод – только предшественник Тисамена, а сей последний сверх того и подражатель первого⁵⁵. Теряющиеся в баснословной давности начатки истории эллинов и страны их излагаются в том же тоне, что и ближайшие по времени события⁵⁶. Финикияне заселяют Фасос в то время, когда были посланы в погоню за Европой, что случилось за пять поколений до рождения Геракла в Элладе⁵⁷. Способ летосчисления Геродота тот же самый, что и у предшествовавших ему историков и поэтов – кикликов, именно генеалогический, по поколениям и мифическим именам, причем три поколения составляют одно столетие, – летосчисление, лишенное, разумеется, всякой фактической основы и лишь в немногих случаях приблизительно совпадающее с действительной хронологией⁵⁸.

Однако ошибочно было бы думать, что Геродот с одинаковым доверием относился ко всем мифам и народным преданиям. Напротив, в его «Истории» есть несколько примеров скептицизма и рационалистического обращения с древними рассказами, и если подобных приме-

⁵¹ VI, 53.

⁵² IV, 147; V, 59–61.

⁵³ VII, 91. 171.

⁵⁴ IX, 73.

⁵⁵ Там же, 33–34.

⁵⁶ I, 56. 145; II, 51; VI, 53; VII, 94; VIII, 44 и др.

⁵⁷ II, 44.

⁵⁸ I, 7. 13; II, 44. 100. 142–143; VI, 98 и др.

ров нет более, то это объясняется только случайностью, а вовсе не тем, будто все остальное мифологическое достояние принималось Геродотом безусловно.

Наиболее яркий образчик рационализма историка представляет истолкование им сказаний об основании Додонского прорицалища, сказаний, распространенных в Элладѣ и Египте⁵⁹. От трех жриц прорицалища и от самих додонцев Геродот слышал, что некогда из Фив египетских улетели две голубки; одна из них направилась в Ливию и повелела тамошним жителям основать прорицалище Зевса Аммония; другая прилетела в Додону и, сев на дубе, объявила человеческим голосом, что в этом месте должен быть учрежден оракул Зевса; требование говорящей голубки приведено было в исполнение. Другой рассказ о том же предмете передает историк со слов фивских жрецов в Египте, а именно: все прорицалища, как эллинские, так и ливийские, происходят от двух египетских жриц, некогда похищенных в Фивах финикийскими купцами и проданных одна в Элладу, другая в Ливию; по словам фивских жрецов, лишь с большим трудом удалось узнать, что случилось с похищенными женщинами. Со своей стороны историк, больше доверяющий египетским жрецам, старается рационалистически истолковать додонский вариант; при этом он исходит из наивно смелого вопроса: «Каким образом голубка могла говорить человеческим языком?» По его толкованию, прибывшая из Фив женщина названа была голубкой потому, что первоначально говорила на языке, чуждом додонцам, как бы на птичьем; после того, как женщина научилась языку туземцев, эти последние сказали, что голубка заговорила человеческой речью. Голубка названа в предании черной потому, что таков цвет кожи египетской женщины.

Не менее любопытный пример рационализма историка представляет обращение его с троянской легендой, причем гомеровскому варианту он предпочитает вариант, слышанный им от египетских жрецов и более сообразный с требованиями его собственной логики. По египетскому варианту, эллины осаждали и разоряли Трою в том заблуждении, будто Елена вместе с похищенными сокровищами скрылась в Трое; на самом деле ни сокровищ, ни Елены там не было, в чем убедились эллины лишь по взятии города троянцев. Рассказ жрецов историк признает достоверным исходя из следующих соображений: ни Приам, ни родственники его не могли быть безрассудны настолько, чтобы рисковать своей жизнью, жизнью детей своих и благом целого государства из-за того только, чтобы Александр мог жить с Еленой. Поэтому, рассуждает он, если бы действительно Елена была в Трое, то с согласия ли или против воли Александра троянцы выдали бы ее эллинам. «Если бы даже в первое время Приам и его родственники были действительно так настроены, то после гибели многих троян, павших в битвах с эллинами, после того, как в каждом сражении сам Приам терял по два, по три и даже более сыновей – раз только можно говорить на основании поэтического произведения, – то я уверен, что после всех этих событий, если бы даже сам Приам жил с Еленой, он возвратил бы ее ахейцам в надежде избавиться от удручавших Трою бедствий. Кроме того, царская власть не переходила к Александру, так что при старости Приама государственные заботы не на нем лежали; наследовать власть Приама должен был Гектор, как старший и более мужественный; ему не подобало потворствовать несправедливым действиям брата особенно тогда, когда через это и на него самого и на всех прочих троянцев обрушивались грозные несчастья. Троянцы говорили правду, что не могут выдать Елену, но эллины не верили им; по моему мнению, которое я и высказываю, случилось так по божескому соизволению, для того, чтобы поголовная гибель троянцев сделала ясной для людей ту истину, что за тяжкие неправды следуют от богов и тяжкие наказания»⁶⁰.

Итак, признавая в основе легенды историческое событие и действительную судьбу поименованных в ней личностей, историк отвергает как вымысел поэта один вариант и принимает

⁵⁹ II, 54–58.

⁶⁰ II, 120.

другой по чисто субъективным основаниям, которые он считает столь же обязательными и для времен и людей Троянской войны: ему кажется невероятным, чтобы троянцы согласились терпеть лишения и гибель из-за одной женщины, принадлежавшей даже не наследнику царского престола, а младшему сыну царя; правда, кроме того, что египетский вариант более, нежели гомеровский, согласовался с личным воззрением Геродота на божество.

Историк наш признавал достоверность опыта, произведенного будто бы египетским царем Псамметихом над двумя младенцами с целью определить, какой народ древнее всех⁶¹. Исходя отсюда, он отвергает мнение ионян о позднем происхождении египетской земли. Если бы, замечает он, у египтян когда-нибудь не было земли, то они не могли бы считать себя древнейшим народом и им в таком случае не было бы нужды и испытывать детей, на каком языке станут произносить они первые звуки⁶².

Таким же точно способом он истолковывает сообщение сайтского казнохранителя о верховьях Нила, будто они бездонны и находятся между двумя горами, Крофи и Мофи, будто Псамметих распорядился измерить глубину истоков, но опущенная в них веревка длиной в несколько тысяч сажень не доставала дна. Рассказ этот, по мнению Геродота, означает только, что в истоках Нила существуют сильные водовороты и противоположные течения и что выбрасываемая оттуда с большой силой вода не пускает лот на дно⁶³. Чудесные рассказы о знаменитом пловце Скиллии, будто бы проплывшем под водой до мыса Артемисия на расстоянии восьмидесяти стадиев, означают для Геродота не что иное, как прибытие Скиллия к Артемисию на судне⁶⁴. В том же направлении истолкованы им басни о воспитании Кира собакой, о судне Ксеркса и т. п.⁶⁵

Если такое отношение к басням, старым и новым, и влияло на общественное настроение в смысле секуляризации и ослабления веры в чудесное, то все-таки оно несколько не ручалось за верность толкования; напротив, добываемые этим путем выводы не имеют никакой доказательности и в большинстве случаев неверны. Мало того: они способны отнять у мифа или легенды те бытовые краски и характерные черты, которые сообщают им значение ценных памятников, воссоздавая перед нами умственное состояние их авторов и доверчивых слушателей. Впрочем, Геродот в противоположность Фукидиду дает читателю не одни толкования, но в большом количестве и сами предания и ходившие в народе рассказы.

Совсем иным характером и значением отличаются те заключения историка, в основе которых лежало личное знакомство его с предметом, помимо сведений, содержащихся в мифах или рассказах других лиц. И в этих случаях значение вывода было далеко не всегда одинаково: оно определялось степенью верности и полноты приобретенных фактических знаний, но сам прием был гораздо надежнее, а потому и заключения несравненно более основательны.

К числу фактически неверных заключений Геродота относится, например, представление его о том, что в Индии солнце греет сильнее всего утром, по мере приближения от утра к вечеру солнечный жар спадает, и вечером становится очень холодно⁶⁶. Это – логическое заключение из того понятия, какое историк имел о виде Земли и о дневном движении солнца. Согласно этому понятию, Индия занимает крайнее место на востоке, а потому рано утром солнечные лучи нагревают ее в самом близком расстоянии, а вечером в самом далеком⁶⁷. В силу того же представления о Земле историк отвергает первую подробность в рассказе египтян о плавании

⁶¹ Там же, 120.

⁶² Там же, 15.

⁶³ Там же, 28.

⁶⁴ VIII, 8

⁶⁵ I, 122. VIII, 118-120

⁶⁶ III, 104.

⁶⁷ II, 24-26. III, 98. 106

вокруг Ливии, будто они имели солнце по правую руку⁶⁸. Менее близким к действительности оказалось представление Геродота, а не Гекатея, будто земля не омывается кругом водой, хотя первый из них крепче держался почвы известных тогда фактов, нежели последний⁶⁹. Из нескольких, отвергаемых им объяснений периодических разливов Нила Геродот называет самым нелепым как раз то, которое оказалось впоследствии наиболее близким к единственному правильному объяснению: происхождению разливов от весенних тропических ливней⁷⁰. Однако предлагаемое историком собственное объяснение есть правильный вывод из общего его представления о земле, солнце и небе: земля – плоская, покрытая небом наподобие полушария, края которого соединяются с границами земли; путь свой по тверди небесной солнце совершает в летнюю пору года почти посередине; с наступлением зимы под влиянием холодов оно уклоняется с этой дороги в страны более южные и проходит по верхней Ливии. Таким образом, когда летом солнце нагревает Элладу, в южных частях Ливии, удаленных от серединной небесной дороги, царит зима, хоть и не столь суровая, как эллинская. Когда с усилением холодов солнце вытесняется в крайние южные пределы неба, то верхняя часть Ливии сильно нагревается, как недалеко лежащая от южного края земли. Ошибка Геродота была неизбежным последствием неверности исходного положения, а не приемом рассуждения об отдельном явлении⁷¹. Такого же происхождения ошибочное заключение историка об овцах с курдюками, которые будто бы нигде, кроме Аравии, не встречаются (τα ονοαμοῦ ἐτερῶνι ἐοτι)⁷². Особенно поучительно поведение Геродота в вопросе о происхождении колхов от египтян⁷³. Сначала историк усмотрел признаки родства двух народов в одинаковом цвете их кожи и в одинаковом виде волос; но потом, расширив поле наблюдения и узнав о принадлежности тех же самых признаков и другим народам, подразумевается, не состоящим ни в какой близости с египтянами, обратил внимание на другие стороны интересовавших его колхов, и только после того, как открыл сходство между ними и египтянами во всем образе жизни (ἡ ζοη πάσα), в языке и, *главное*, в обычае обрезания, который с древнейших времен был свойственен *только*, по его мнению, египтянам, эфиопам и колхам, – лишь после этого историк считает доказанным свое положение о происхождении населения Колхиды от египтян. Убеждение историка, как известно, разделялось долго многими учеными, хотя главный аргумент древнего писателя – отсутствие обычая обрезания у какого-либо иного народа, кроме поименованных им, – оказывается в настоящее время несостоятельным; однако ошибка произошла не от личных качеств историка, не от ложности приема, но лишь вследствие недостаточности тогдашних географических и этнографических сведений.

Но у Геродота есть такие поправки к преданиям и известиям об исторических событиях и личностях, для которых знания историка и его здравый смысл оказывались достаточными. Так, предание о попытке египтян принести в жертву Геракла он считал нелепым, потому что оно противоречит обычаям египтян, не позволяющим закалать в жертву не только людей, но и большинство животных. Потом он считает совершенно невозможным, чтобы Геракл, «будучи еще человеком», в состоянии был один перебить тысячи людей⁷⁴. Название Египта «даром Нила» историк оправдывает целым рядом соображений, опирающихся на личное знакомство с особенностями страны: «Я видел, что Египет выступает в море дальше смежной страны, что на горах лежат раковины, а почва покрывается солью, выходящей из земли, разъедающей даже пирамиды, что из всех египетских гор одна только, находящаяся выше Мемфиса, покрыта

⁶⁸ IV, 42.

⁶⁹ II, 23. IV, 36. 45.

⁷⁰ II, 19–23.

⁷¹ Там же, 24–26.

⁷² III, 113.

⁷³ II, 104–105.

⁷⁴ Там же, 45.

песком, что, кроме того, Египет не похож на пограничные страны, Аравию и Ливию, ни на Сирию, – прибрежную половину Аравии занимают сирийцы; почва в Египте черноземная, рыхлая, так как она состоит из ила и наносов, отбрасываемых рекой из Эфиопии. Ливия, напротив, как нам известно, имеет почву красноватую и песчаную, а Аравия и Сирия – глинистую и каменистую»⁷⁵.

Известное историку образование Египта и постепенное увеличение его и поднятие почвы вследствие наносов дает ему основание строить предположение о будущей судьбе этой страны. Знакомство с персидскими учреждениями помогает ему оценить по достоинству притязания египтян на Камбиса, будто бы родившегося от египтянки⁷⁶, а лингвистические соображения приводят его к отрицанию Эридана на севере Европы. Рассказ фракийцев о том, что по ту сторону Истра все полно пчел, историк называет невероятным, так как ему известно, что пчелы не выносят холода⁷⁷. Личное наблюдение над двадцатью женскими колоссами в Саисе изобличало для Геродота лживость местных жрецов, будто это – служанки дочери Микерина, изображенные без рук потому, что мать этой девушки велела отнять им руки при жизни за выдачу дочери отцу, который и изнасиловал ее. «Все это, мне кажется, пустая болтовня, особенно рассказ о руках колоссов. Мы сами видели, что руки кумиров отвалились от времени и еще в мое время лежали тут же, у ног их»⁷⁸. Он считает невероятным чудо с деревянными статуями на Эгине⁷⁹.

Геродот не останавливается иногда перед тем, чтобы вовсе устранить из рассказа божественное вмешательство и в объяснении события ограничиться естественными условиями. Так, предание фессалийцев о том, что Темпейское ущелье есть дело рук Посейдона, который расщепил будто бы горную цепь и тем дал выход всем водам котловины, – предание это Геродот принимает условно. Правда, замечает он, каждый верующий в то, что Посейдон сотрясает землю и что причиняемые землетрясением расщелины совершаются божеством, скажет при виде этого ущелья, что оно сделано Посейдоном. «Действительно, для меня *было* несомненно, что это горное ущелье образовалось вследствие землетрясения»⁸⁰.

Всякого рода умственное расстройство, равно как дар гадания и прорицания, считались в древности явлениями сверхъестественными, не зависящими от состояния организма. Правда, ученый врач V века Гиппократ признавал уже связь душевных болезней с телесным расстройством, но такое мнение было пока достоянием специалиста, а не тогдашнего общества. У Геродота мы находим примеры рационального взгляда на умоисступление и на пророческий дар. По словам египетских жрецов, Камбис наказан был умопомешательством за оскорбление и умерщвление Аписа. Историк наш не входит в рассмотрение вопроса, приключилась ли болезнь за Аписа или по какой-нибудь другой причине подобно тому, как многие болезни естественно приключаются с людьми (οἱα κολλᾷ ἐνὶ τῷ αὐθιπλοῦς καὶ κατὰ λαμβάνειν); «действительно, рассказывают, что Камбис от рождения страдал серьезной болезнью, которую иные называют священной. Таким образом ничего необыкновенного не было в том, что при серьезной болезни тела и ум Камбиса не был здоров»⁸¹. Сами неудачи Камбиса в походах на эфиопов и аммониев историк объясняет личными свойствами царя и допущенными ошибками⁸². Есть у Геродота и другие, слабые, правда, попытки характеристики отдельных личностей⁸³. Фукидид унаследовал от Геродота и усилил живописующий прием изображения своих

⁷⁵ Там же, 12.

⁷⁶ III, 2.

⁷⁷ V, 10.

⁷⁸ II, 131.

⁷⁹ V, 86.

⁸⁰ VII, 129.

⁸¹ III, 33. 38.

⁸² Там же, 25–26.

⁸³ О Киаксаре I, 73; о Ксерксе VII, 187; о Солоне I, 136. 29–30; о Клеомене V, 42. VI, 75.

героев – описанием самих дел, домашнего поведения их и интимнейших отношений. Солон, Периандр, Клеомен, Клеобис, Битон*, Фемистокл, Аристид Гигес, Крез, Кир, Камбис, Дарий, Ксеркс являются перед читателем художественно обрисованными типами, хотя психологический анализ еле касается этих образов. То же стремление к пластичности отличает Геродота и в изображении народов: персы, мидяне, афиняне, спартанцы, фиванцы, скифы, вавилоняне, египтяне наделены характерными национальными чертами. Эта особенность изложения коренилась, впрочем, в самой природе древнего эллина и нашла себе наиболее яркое выражение в необычайно богатой афинской драме.

Другой пример устранения сверхъестественного фактора из объяснения таких явлений, которые по общему убеждению ведались исключительно богами, представляет Мелампод, знаменитый прорицатель и великий врач мифических времен. У Геродота он называется человеком умным, который сам научился искусству прорицания, от Кадма получил множество сведений о религиозных обрядах и обычаях Египта и ввел в Элладу, между прочим, жертвоприношения и фаллические процессии в честь Диониса; по словам историка, Мелампод и сам не вполне постигал относящееся сюда учение и недостаточно объяснил его эллинам; гораздо удовлетворительнее разъяснено оно позднейшими учеными⁸⁴. Подобно этому поражение персов при Саламине изображается как необходимое последствие ошибок варваров⁸⁵; прекращение бури у Магнетского берега могло иметь место само по себе без вмешательства богов⁸⁶.

Чувство естественности и недоверие к баснословному проявляются в труде Геродота и в других видах. Во многих случаях он ограничивается категорическим отрицанием невероятного или нелепого рассказа, не пытаясь отыскивать в нем реальную основу, или осуждает легкомыслие толпы. Сюда относятся рассказы о людях с козими ногами и об одноглазых аримаспах⁸⁷, о помещении царем Рампсинитом дочери в публичный дом⁸⁸, о происхождении скифов от Зевса и дочери Борисфена⁸⁹, о превращении людей в волков у невров⁹⁰, о посещении тем же Рампсинитом преисподней⁹¹, о посещении храма Аполлона Птоя Мисом (Мышью)⁹². Далеко не всегда он верил и египетским жрецам; иной раз он обращался к проверке их показаний, а иногда и решительно отвергал их. Так, он называет совершенно невероятным рассказ египтян о Фениксе, не принимает рассказа их об Амасисе⁹³, выражает сомнение и по поводу других известных их⁹⁴.

Не один раз Геродот замечает, что он передает только слышанное, нисколько не обязывая ни себя, ни читателя принимать подобного рода известия на веру. Иногда он сообщает несколько известий или преданий рядом и предоставляет читателю выбрать из них наиболее правдоподобное или же таковое выбирает сам; другой раз заявляет прямо, что не знает ничего о предмете и только позволяет себе некоторые соображения без окончательного вывода. Геродот сам различал, очевидно по степени достоверности, несколько источников сообщаемых им сведений: собственное наблюдение (*δψις*), соображение и заключение (*γνῶμη*), изыскания, сле-

⁸⁴ II, 49.

⁸⁵ VIII, 86.

⁸⁶ VII, 189. 191.

⁸⁷ IV, 25. 27; III, 116.

⁸⁸ II, 121.

⁸⁹ IV, 5.

⁹⁰ Там же, 105.

⁹¹ II, 122.

⁹² VIII, 135.

⁹³ II, 73.

⁹⁴ Там же, 123. 130–131.

ланные с помощью чтения и расспросов (ἱστορίη), и, наконец, простую передачу со слов других (κατὰ τὰ ἑκούριον)⁹⁵.

Если к первому и второму источнику относится множество достоверных сведений географических, этнографических и иных о предметах, виденных историком, множество интересных мнений и выводов, то и тот материал, который он заимствовал у других, также содержит в себе для нынешнего исследователя немало поучительных данных, особенно для характеристики так называемых первобытных общественных и половых отношений. Таковы драгоценные главы его истории о ликийцах, вавилонянах, скифах, сарматах, массагетах, энеях, агафирсах, авсеях, насамонах, маках, индийцах или известие о свайных постройках фракийцев⁹⁶, многие записанные им варианты мифов и преданий, интересные в бытовом или историческом отношении. Однако было бы большой ошибкой заключать из этих выражений историка, будто он последовательно строго держится высказанного здесь правила об источниках и о различии сведений по степени их достоверности: в этом, как и в других отношениях, Геродот не выдерживает критики с точки зрения единства изложения. Преувеличение достоверности Геродота происходит у комментаторов, между прочим, вследствие невнимания их к этой особенности его «Истории».

Послушайте, как рассказывает историк об индийцах и в особенности о муравьях индийских ростом с собаку, похожих на эллинских муравьев и стерегущих золото. В Индии Геродот вовсе не был и передает о ней слышанное от персов или других свидетелей или где-либо вычитанное, между тем в форме изложения басен нет никаких признаков того, что автор говорит со слов других, а не по собственным наблюдениям⁹⁷. Не был Геродот и среди ливийцев; сведениями о них он был обязан, по всей вероятности, жителям Кирены. Несмотря на это, мы находим у историка выражения, по нашим понятиям приличные лицу, имевшему непосредственное общение с ливийцами: «Я передаю то, что говорят сами ливийцы», «так, по крайней мере, рассказывается ливийцами», причем о посредствующих свидетелях ни слова⁹⁸. Матзат убедительнейше доказывает, что в Мидии Геродот не был и Акбатан не видел, что не мешает ему сравнивать по объему столицу Мидии с Афинами как бы по собственному измерению⁹⁹. Наверное, Геродот не был у аммониев в глубине Ливии, хотя опять-таки употребляет выражение: «Так говорят аммонии»¹⁰⁰. Ввиду этого понятна настоятельная необходимость критики в отношении к Геродотовым известиям: многое из услышанного или прочитанного он принимал на веру и тогда вовсе не нуждался в указании источника сведений; многое об отдаленных и неведомых странах передавал со слов посредников в такой форме, как будто он слышал это от самих туземцев; отсюда неизбежно следует, что далеко не все и о местах близких, неоднократно им посещенных, передается после тщательной проверки.

Множеством самых разнородных сведений и высокой сравнительно степенью скептицизма и критики Геродот обязан был главным образом своим путешествиям по Элладу и островам, побережьям Черного моря, по Египту и Азии. Вторая книга нашего историка, посвященная описанию Египта, страны, полной чудес и обладавшей оригинальной древней культурой, неслучайно содержит в себе примеры рационализма в большем количестве, нежели какая-либо иная часть его труда. Не подлежит сомнению, что если не исключительно, то, во всяком случае, главным образом путешествия совершены были Геродотом из любознательности. Он сам говорит о себе, что ездил в египетские Фивы и Гелиополь с целью сличить тамошние рассказы

⁹⁵ Там же, 99.

⁹⁶ V, 16.

⁹⁷ III, 102.

⁹⁸ IV, 187. 191.

⁹⁹ I, 98.

¹⁰⁰ III, 26.

с мемфисскими, а гелиопольцы – наиболее просвещенные люди в Египте¹⁰¹; на пути в Элефантину он собирал сведения об истоках Нила и вообще о Египте¹⁰², ни от кого он не мог узнать причины периодических разливов Нила¹⁰³. С целью добыть возможно более точные сведения об египетском Геракле он посетил финикийский Тир¹⁰⁴, побывал в Аравии ради ознакомления с летающими змеями¹⁰⁵; заинтересовавшись вопросом о родственных отношениях между египтянами и колхами, он собирал относящиеся к вопросу сведения на месте¹⁰⁶; он старательно разыскивал очевидцев, которые могли бы сказать точно, есть ли море по ту сторону Европы¹⁰⁷. Любознательность должна была увлекать Геродота из города в город, из страны в страну, а к этому могли присоединиться какие-либо коммерческие и иные его интересы.

Понятно, что и существующая письменная литература не могла остаться неизвестной историку, как прозаическая, так и поэтическая. Из поэтов он хорошо знает Гомера, Гесиода, кикликов, Аристея Проконнесского, Архилоха, Сапфо, Ахея, Солона, Ласа, Симонида, Пиндара, Фриниха, Эсхила, знает и тот вид стихов, который выдавался за творения Мусея и Олена, а по мнению нашего историка был гораздо более позднего происхождения. Из прозаиков он называет по имени одного Гекатея, подобно тому как Фукидид называет одного Гелланика. Очевидно, сочинениями прозаиков историки пользовались тем же способом и по тому же праву, как и устными показаниями свидетелей, которые также не называются по именам, не наделяются присущими им признаками, хотя показания их то принимались на веру историком, то подвергались сомнению или отмечались как не заслуживающие веры.

Географические и этнографические сведения Геродота были для своего времени чрезвычайно обширны. Достаточно заметить, что его знание Египта простиралось до нынешней Абиссинии, что имя Мерое впервые стало известно через него, что им впервые определено настоящее положение Каспийского моря и отношение его к другим водам, что никто раньше его не проникал так далеко на север в глубь России и никто не собрал столько сведений о многих народах нынешней Северной Африки. О путешествиях историка, о времени их и направлении не говорит ни один из древних свидетелей; все, что мы знаем о них, содержится в самом труде его и этим последним подтверждается.

С наибольшим любопытством и, очевидно, дольше всего странствовал он по Египту. Саис, Мемфис, Каноб, Навкратис, Гелиополь, Бубастис, Буто и блуждающий остров Хеммис, Бусири с их окрестностями и изумительными памятниками были лично посещены и осмотрены историком: верхние залы лабиринта, замечает он, описываются им по собственному наблюдению; он исследовал способ сооружения пирамид, а пирамиду Хефрена измерял сам подле пограничного города на востоке, Пелусия; он видел поле битвы, на котором Камбисовы войска одержали победу над египетскими, а выше этого города остатки давних поселений карийцев и ионян. Персидские владения в Азии он исходил по разным путям, результатом чего были разнообразные, часто точные сведения о Лидии, Карии, Мидии, собственно Персии, о Вавилоне и т. п.; историк намеревался даже издать в свет особое повествование об Ассирии¹⁰⁸. Для нас, русских, особую ценность и интерес имеет путешествие историка по черноморскому побережью, начиная от города Аполлонии, хотя нельзя определить, как далеко проникал он в глубь материка Скифии, какие из сообщаемых им сведений добыты путем личного наблюде-

¹⁰¹ II, 3.

¹⁰² Там же, 19.

¹⁰³ Там же, 28–29.

¹⁰⁴ Там же, 44.

¹⁰⁵ Там же, 75.

¹⁰⁶ Там же, 104.

¹⁰⁷ III, 115.

¹⁰⁸ I, 106.

ния, а какие из расспросов тамошних эллинов. Во всяком случае, сведения Геродота об этой местности составляют почти единственный памятник истории юга России в V веке до Р. Х.

Однако далеко не все сведения Геродота, приобретенные во время путешествий, отличаются одинаковой степенью достоверности, и не только сведения исторические, но и географические. Важным источником знаний об отдаленных странах и о прошлом этих стран были рассказы не только туземцев, но и соседей их и эллинов, которым почему-либо Геродот имел основание доверять, а равно немногие литературные пособия. Не зная иностранных языков и не умея пользоваться вещественными памятниками прошлого, историк наш вынужден был довольствоваться ответами часто весьма сомнительных свидетелей или сличением нескольких разноречивых показаний. В огромном числе случаев Геродот был вводим в заблуждение египетскими жрецами. Слабость критических приемов историка изобличается, например, тем, что мнение свое о пределах Египта он скрепляет ссылкой на аммонского оракула или заключение свое о безрогом и рогатом скоте подтверждает цитатой из Гомера¹⁰⁹. Таким образом, рядом с верными сведениями о посещенных странах в труде Геродота содержатся в большом числе басни, передаваемые им, однако, как факты. «Памятники, – замечает Масперо*, – повествуют или некогда поведают нам о дедах Хеопса, Рамсеса, Тутмоса, а от Геродота мы узнаем то, что говорили о них на улицах главного города».

Так, положение свое о мудрости божественного промысла историк основывает на баснях о несуществующей плодовитости зайцев и о малоплодии львиц, будто бы рождающих один раз в жизни; такого же почти достоинства и рассуждение его об ехиднах¹¹⁰. В рассказах о крокодилах и гиппопотамах мешает без разбора слышанное или вычитанное из Гекатея с тем, что, быть может, наблюдалось им лично. Крокодил называется животным безязыким, с неподвижной нижней челюстью, с пастью, переполненной пиявками, которые в Ниле не водятся вовсе. Гиппопотам наделяется лошадиным хвостом и лошадиной гривой, каковых на самом деле у него нет, приписываются ему клыки, будто бы выдающиеся вперед, тогда как зубы у гиппопотама прикрыты губами и видны только при открывании пасти; копыта у него не раздвоены, как пишет Геродот, а имеют по четыре пальца и пр.¹¹¹ В виде достоверного факта сообщает он басню об египетских кошках, будто бы во время пожаров кидающихся в огонь, несмотря на все старания египтян спасти их от огня¹¹². Та же смесь правды и вымысла отличает и другие известия его о Египте. Рассказ о величайшей из пирамид подтверждается вполне новыми исследованиями, равно как и имена царей, строителей трех наибольших пирамид¹¹³. Напротив, известие о подземном канале, будто бы проходившем вокруг усыпальницы, – чистейший вымысел, рассчитанный на легкоеверие слушателя и на интерес его к необыкновенному: подобный канал был даже невозможен, потому что усыпальница помещалась выше низкого уровня Нила. Точно так же выдуманы свидетелями Геродота или народным воображением те сто тысяч рабочих, которые будто бы сменялись каждые три месяца при сооружении пирамиды; передается невозможное содержание надписи на пирамиде Хеопса. Слишком преувеличены размеры так называемого Миридова озера, имевшего на самом деле не девяносто миль в окружности, а тридцать, равно как и высота разливов в Ниле, и размеры наносов¹¹⁴; на самом деле нильские наносы поднимают почву Египта в сто лет на четыре дюйма, а в тысячу лет на три с четвертью фута. Таким образом, если бассейн сооружен был за полторы тысячи лет до Геродота, то почва нижнего Египта могла подняться за это время лишь на три – четыре локтя, а не на семь –

¹⁰⁹ IV, 29.

¹¹⁰ III, 108–109.

¹¹¹ II, 68–71.

¹¹² Там же, 66.

¹¹³ Там же, 124–127.

¹¹⁴ Там же, 13. 101. 149.

восемь, как заключал Геродот. Сильно преувеличена цифра полноправных граждан в Афинах в его время¹¹⁵.

Ошибочны известия историка о наследственности достоинства верховного жреца в Египте¹¹⁶, о разделении египетского населения на касты¹¹⁷, о заимствовании эллинами от египтян гадания по жертвенным животным¹¹⁸; с ребяческой наивностью храм финикийской Астарты в Мемфисе приписывается Елене¹¹⁹; наконец, со слов жрецов историк настойчиво проводит мысль о заимствовании эллинами богов их от египтян¹²⁰. Нечего прибавлять, что исторические сведения Геродота о Египте, о временах, предшествовавших Псамметиху, могли быть лишь весьма недостаточными и сбивчивыми. Достаточно напомнить о том, например, что цари, строители больших пирамид, принадлежат к Четвертой династии и жили за несколько веков до Мирида, а Геродот помещает их после царей Двадцатой династии¹²¹.

Как очевидец, Геродот повествует о Вавилоне, о положении его, о его постройках, о нравах жителей и т. п. Новейшие исследователи, главным образом Опперт*, доказали верность множества наблюдений древнего историка. Между тем, этот случай убедительнее других показывает, как мало Геродот заботился о точном разграничении для читателя лично исследованного им от принятого на веру без критики. Вавилонские стены историк мог наблюдать разве в отдельных обломках, уцелевших от разрушений Дария; медных ворот он не мог видеть вовсе, так как они были увезены оттуда задолго до того времени. Следовательно, все те измерения, которые в труде Геродота имеют вид произведенных им самим, были на самом деле только повторением преувеличивавших прошлое народных толков. Ассирийские памятники не оправдывают ни хронологии Геродота, ни известий его об ассирийских царицах и других легендарных данных, источником которых служили народные песни, даже, быть может, не ассирийцами сложенные. Равным образом в противоречии с памятниками оказываются известия Геродота о возвышении мидян. В мидийской и мидо – персидской этнографии и истории также встречается немало ошибок, исправленных только в последнее время. Если от этих стран обратимся к Европе, к наиболее интересной для нас стране, Скифии, то и здесь найдем множество неточностей и еще более неясностей. Черное море увеличено им вдвое в длину, а наибольшая ширина показана в полтора раза больше, к тому же оно передвинуто далеко на восток; Азовское море увеличено еще больше; представление о фигуре Таврического полуострова ошибочно; Скифия изображается в виде равностороннего четырехугольника; топография, гидрография и этнография Скифии изложены запутанно и во многом, разумеется, неверно¹²². Движение киммерийцев он представляет себе в невозможном направлении; не менее трудно понять известие о походе скифов на Херсонес¹²³. Нибур* исчисляет множество ошибок эллинского историка в географии, климатологии и других свойствах описываемых им стран и народов.

Присутствие всех этих и подобных ошибок в труде Геродота находит себе объяснение частью в несовершенстве средств к точному изысканию, частью в легковерии писателя, в его склонности к анекдотическому, в неумении применить в каждом отдельном случае то правило относительно различия источников по степени достоверности, необходимость которого очевидно признавал наш историк в теории. Только особенный вкус к анекдоту мог побудить исто-

¹¹⁵ V, 97.

¹¹⁶ II, 37. 143.

¹¹⁷ II, 37. 143.

¹¹⁸ Там же, 58.

¹¹⁹ Там же, 112.

¹²⁰ Там же, 43. 50–53.

¹²¹ Там же, 101. 124.

¹²² IV, 85–86. 99.

¹²³ II, 11–12; VI, 40. 84.

рика ввести длинную басню о похитителях сокровищ Рампсинита, об испытании новорожденных младенцев или о женском одеянии на Эгине в Аргосе и о тамошней посуде¹²⁴; или о том, как третья жена Демарата сделалась красивейшей женщиной из безобразнейшей девочки¹²⁵. Он категорически передает факт, что в Египте во время его пребывания козел имел сообщение с женщиной публично¹²⁶. Он вполне верит, что у жрицы педасейской Афины вырастает борода каждый раз, когда педасийцам или соседям их грозит какое-либо несчастье¹²⁷; подробно передает небылицы о разных народах Ливии, как один из тамошних народов, например, вовсе не имеет языка, а шипит, как летучая мышь, другой не ест ничего одушевленного и не видит никаких снов¹²⁸; рассказывает анекдот о Софане, одном из платейских героев, который будто бы якорю обязан был своими подвигами¹²⁹; по тому же самому побуждению он останавливается на басне о кормлении детей керкирян самосцами¹³⁰.

Следовательно, легкое верие, лишь слабая степень умения и охоты определять относительную ценность получаемых известий и согласно этому оттенять их в своем труде, наконец, склонность к анекдотическому и чрезвычайному – эти свойства историка, особенно неблагоприятные для восстановления прошлого, обязывают читателя относиться не иначе, как с осторожностью и критически и к географической части его труда. Если первоначальное, слишком отрицательное отношение к «отцу истории» оказалось несправедливым, неоправдавшимся ввиду позднейших успехов истории, географии и этнографии, то с другой стороны необходимо воздерживаться и от противоположной крайности. Многие верные известия перемешаны у него с известиями сомнительными и даже явно ошибочными, а потому все они нуждаются в критической проверке. Те же самые успехи знания, которые отняли от имени Геродота старые эпитеты лжеца, клеветника и т. п., показывают ясно, что эллинский историк V века до Р. Х. был прежде всего сыном своего времени, и потому оставленный им памятник необычайной любознательности, добросовестности и обширных сведений не отвечает во многих отношениях, да и не может отвечать нынешним требованиям научной достоверности.

Ни многочисленные собственные наблюдения, ни удостоверенная выше любовь к истине, ни многократно обнаруженный скептицизм не в состоянии были перевесить в историке других свойств личных, также препятствовавших правдивому установлению событий и выяснению подлинных мотивов их и причин. Геродот – прежде всего человек глубоко религиозный, твердо верующий в непрестанное вмешательство божества в людские дела, причем божеское откровение совершается в сновидениях, в разного рода знамениях и чудесах, в наказаниях грешников, а иногда и в непосредственных появлениях богов. Так Пан повстречался с афинским глашатаем на пути его в Спарту, боги сами защитили храм от посягательства варваров, когда эти последние покусились было ограбить дельфийский храм Афины Пронеи; священное вооружение само по себе вышло из святилища и легло у порога, а с приближением врагов сверкнула на небе молния, от Парнаса оторвались две вершины, с шумом скатились на варваров и истребили большое число их, в то же время из храма прозвучал громкий голос и раздались боевые кличи; по словам дельфийцев, в преследовании и умерщвлении варваров участвовали два местных героя. Историк уверяет, что оторвавшиеся от Парнаса камни еще в его время лежали на священной земле Афины Пронеи. Голос Афины слышится дважды в Саламинском сражении; в том же сражении принимают участие Вакх, Эант и Теламон; поражение персов при Платеях причиняет Деметра, а на Микале явленный жезл ободряет эллинов и решает участь

¹²⁴ II, 121. 2–3; V, 88–89.

¹²⁵ VI, 61.

¹²⁶ II, 46.

¹²⁷ I, 175; VIII, 104.

¹²⁸ IV, 183.184.

¹²⁹ IX, 74.

¹³⁰ III, 48.

врагов; Креза от смерти избавляет Аполлон; сооружение храма героям избавило целый род от преждевременной смертности детей и т. д. Благочестивый страх Геродота перед богами внушает ему опасение прогневить божество разоблачением тайн его, повествованием о нем или даже поименованием его. Божество требует внимания к себе, щадит чтущих его и наказывает забывающих или оскорбляющих его. С особенной охотой Геродот отмечает изречения оракулов, гадателей, случаи исполнения всякого рода предсказаний, сновидений и чудесных знамений. Один список относящихся сюда мест красноречиво и безошибочно свидетельствует о настроении историка; отметим только, что и поражение персов в борьбе с эллинами было предсказано оракулом. Однако и здесь Геродот обнаруживает некоторый скептицизм: только ясные изречения гадателей не возбуждают в нем сомнения; пифия бывала подкуплена Алкмеонидами и спартанским царем Клеоменом; Ономакрит подбирал подходящие прорицания, неблагоприятные для персов предсказания скрывались¹³¹; афиняне не последовали устрашающим внушениям пифии – и не ошиблись¹³².

Что касается воззрений Геродота на божество по отношению к людям, то они представляют смесь понятий различных порядков, и напрасно было бы пытаться свести их к одному какому-либо началу. Завистливость божества исповедывалась Геродотом вместе с современным ему обществом и с другими писателями. Ошибочно смешиваемое с немесидой, или воздаянием каждому по делам его, представление это составляет одну из наиболее характерных и первобытных черт антропоморфизма.

«Ты видишь, – говорит Артабан Ксерксу, – как божество молнией поражает животных, выдающихся над другими, не позволяя им возноситься; напротив, мелкие животные не раздражают его. Ты видишь также, что оно всегда мечет свои перуны в наибольшие здания и в самые высокие деревья; божеству ведь приятно калечить все выдающееся. Подобно этому и по той же самой причине громадное войско может быть сокрушено малочисленным: если из зависти божество наведет на воинов страх или ударит в них молнией, войско погибнет постыдной смертью. Божество не терпит, чтобы кто-нибудь другой, кроме его самого, мнил высоко о себе»¹³³

¹³¹ IX, 42. 43.

¹³² VII, 139.

¹³³ Там же, 10.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.